

ВИКТОР
ТЮРИН

ЧУЖОЙ
СРЕДИ СВОИХ

Боевая фантастика (АСТ)

Виктор Тюрин

Чужой среди своих

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Тюрин В. И.

Чужой среди своих / В. И. Тюрин — «АСТ», 2018 — (Боевая фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-110753-2

Жизнь этого человека так бы и закончилась в двадцать первом веке, но что-то пошло не так, и он оказался в 1940 году, в теле семнадцатилетнего Кости Звягинцева. Главный герой — бывший наемник, воин-афганец, который имел в жизни только два принципа: не предавать родину и не воевать против своих. Другое время оказалось для него чужим, ведь он не подходил под стандартный вариант гражданина страны Советов, и ему пришлось искать свое место в этой новой жизни. А еще ему пришлось выживать, как когда-то в горах Афгана или в тропических лесах «банановых республик», ведь наступила война и он не смог изменить присяге и стал защищать свою Родину...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-110753-2

© Тюрин В. И., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	29
Глава 4	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Виктор Тюрин

Чужой среди своих

Пролог

Клубок человеческого сознания, который состоял из миллиардов нитей, отвечающих за умственное, душевное и телесное здоровье, стал разматываться, раскидывая в разные стороны обрывки. Человек умирал, и нити, раньше скрепленные и переплетенные воедино, сейчас, судорожно подергиваясь, разлетались в неведомом пространстве, где непонятным образом слилось все вместе – жизнь и смерть, пространство и время. Одни из них, отмершие, отваливались от клубка мертвыми кусками, другие, еще живые, просто распускались на всю длину. В какой-то момент одна из таких нитей случайно коснулась другого, трепыхавшегося на невидимом ветру, конца из клубка другого сознания умирающего человека. Так случилось почти невозможное. Невообразимо маленький, почти призрачный шанс дал возможность слиться двум разумам – наложить отпечаток чужой личности на мозг другого человека.

Глава 1

Это был очень странный сон... Перед моими глазами прошла жизнь человека, юноши семнадцати лет, с мельчайшими деталями и подробностями, и это притом, что сны в своей жизни я видел редко, а когда просыпался, то уже не помнил, что в них было. Какое-то время, не открывая глаз, я пытался понять, как такое может быть. Это было более чем странно, так как воспоминания юноши не исчезали в дымке истаивавших поутру сновидений, они плотно сидели у меня в памяти. Особенно его последнее воспоминание: наглая прыщавая рожа какого-то верзилы. Замах тяжелого кулака. Резкая вспышка боли, земля, уходящая из-под ног, кусок ярко-голубого неба, промелькнувшего перед глазами и... темнота.

«Словно и не сон...»

Не успел я так подумать, как услышал легкий храп.

«Погоди! Так, где это я?»

Не успел вопрос возникнуть в голове, как я вспомнил о том, как забравшись на стремянку, укладывал на место старое уголовное дело. Уже начав спускаться, неловко повернувшись, перенес вес тела на искалеченную ногу, чего делать ни в коем случае было нельзя, так как собранная по частям врачами нога имела дурную способность в самые неожиданные моменты разрождаться вспышками сильной боли. Невралгия, мать ее! Обычно я старался присесть или перенести вес тела на другую ногу, что я и сделал почти автоматически, но неустойчивость положения, в котором я находился, меня подвела. Резко дернувшись, я пошатнулся, затем было падение с двух метров, сильная вспышка боли в голове и... темнота. Стоило всему этому всплыть у меня в голове, как пришла догадка: «Так я в больнице. Видно, сильно меня приложило. Хорошенькое сотрясение мозга получил, раз такие долгоиграющие сны снятся».

Чтобы окончательно удостовериться, открыл глаза. Несмотря на то, что за окном была ночь и в помещении было темно, глаз легко различил спинки кроватей на белом фоне стен. Больничная палата. Я приложил руку к голове. Плотно намотанный вокруг головы бинт окончательно подтвердил правильность моего вывода. Вроде все было правильно и логично, но внутренняя тревога не хотела рассеиваться, даже наоборот, она все больше усиливалась, словно хотела предупредить меня о чем-то. Причиной непонятной тревоги мог быть только яркий и ничем не объяснимый сон.

«Всё этот сон. Странный и непонятный сон...» – постарался я себя успокоить, но в следующее мгновение взгляд уперся в спинку моей кровати. Она была металлическая и выкрашена белой краской. В этот самый момент луна пробилась сквозь тучи, и ее тусклый свет проник в палату. Снаружи где-то глухо залаяла собака, заставив меня автоматически повернуть голову к окну. Деревянная рама, выкрашенная в белый цвет. Вместо штор была белая занавеска, висевшая на веревочке и закрывавшая только нижнюю половину окна. И... открытая форточка. За окном было лето. Я слышал шелест листвы за окном, а затем легкий теплый ветерок, ворвавшись в палату из приоткрытого окна, принес с собой легкий и сладкий аромат трав и цветов. Сердце обмерло.

«Этого не может быть. Просто не может быть. Сейчас зима! Зима! Сегодня 16 февраля!»

Рука сама откинула одеяло, и я рывком сел на кровати, но, похоже, делать мне этого не следовало. Резкие движения подняли тяжелую волну боли в голове. В глазах потемнело, а уже в следующую секунду меня вырвало. Сквозь боль и спазмы, сотрясавшие тело, я словно сквозь вату услышал из-за спины чей-то мужской крик:

– Сестра! Никитична! Мальчишке плохо!

Послышалось тяжелое и быстрое шлепанье тапочек, открылась дверь, и вспыхнул свет. Все это я воспринял отстраненно, так как кружащаяся голова и накатывающая волнами тошнота поглощали все мое внимание.

– Паренек, ты как?! Очнулся, слава тебе господи! И зачем встал?! Ложись! Быстро ложись! – но, видно, увидев следы рвоты на моих подштанниках и на полу, сразу переменила свое решение. – погоди! Сейчас вызову врача и уберу! Ты только сиди и не двигайся! Семенов! Пригляди тут за парнем! Я живо!

Последние слова донеслись уже из-за двери. Потом помню таз на полу у моих ног, суету рук, снимающих с меня нижнее белье и обмывающих тело и лицо, а спустя какое-то время я оказался лежащим под одеялом, а надо мной склонилось лицо врача. Сознание сразу отметило белую шапочку на его голове, круглые очки на носу и небольшую курчавую бородку. Лицо напряженное. Было видно, что человек растерян и волнуется.

– Как ты себя чувствуешь?! Голова кружится? Тошнит?

– Не-ет, – медленно ответил я, прислушиваясь к своим ощущениям. – Пока все нормально. Спать только сильно хочу.

Голова слегка кружилась, но не это меня сейчас волновало, а то, что вокруг меня происходит.

– Хорошо. Спи. Если станет плохо, зови сестру.

Врач ушел, сестра поправила на мне одеяло, потом выключила в палате свет и осторожно закрыла за собой дверь. Наступила тишина. Я закрыл глаза. Несмотря на довольно смутное восприятие окружающей действительности, понятно было одно: я – это не я, а если выразиться точнее, находился я сейчас не в своем теле. Этот факт настолько не укладывался у меня в голове, что я несколько раз провел пальцами по местам, где должны находиться шрамы. Никаких следов. Худое тело юноши.

«Сон. Тело. Хм. Может, это просто бред? Горячечный бред».

Простая мысль, возникшая в затуманенном состоянии, расставила немыслимые факты по своим местам и дала отмашку сознанию успокоиться, наверное, поэтому я неожиданно для себя уснул. Проснулся от слегка дребезжащего мужского голоса, который громко вещал об ударных темпах сбора урожая.

«Какого черта радио на полную мощь включили?! Это что, больница или хрен...»

В следующую секунду я резко открыл глаза. Сердце замерло, а потом застучало сильно-сильно. Ночной кошмар вернулся, но теперь уже наяву, при свете дня. Какое-то время я тупо смотрел на слегка выцветшие плакаты, висящие на стене, напротив моей кровати. Один из них изображал Ленина и Сталина на фоне трудящихся масс и красных флагов со словами: «Вперед к победе коммунизма!» Рядом висел плакат с фигурами Сталина и Ворошилова на фоне военного парада на Красной площади. Внизу надпись: «Да здравствует рабоче-крестьянская Красная Армия – верный страж советских границ!» Сталин был в фуражке, а Ворошилов – в буденовке, с шашкой и кучей орденов на груди. Какое-то время я перебегал взглядом с одного плаката на другой, тупо перечитывая надписи на них, а потом посмотрел на свои руки, лежащие поверх грубого солдатского одеяла. Это были руки юноши семнадцати лет от роду, Кости Звягинцева. И я всё знал о его жизни. Всё!

«Это не бред. Но как подобное могло произойти?»

Страх не было, а вот напряжение, растерянность и скованность в мыслях присутствовали в полной мере. Не отрывая головы от подушки, медленно и неторопливо обежал глазами палату. По сторонам и над головой – плохо выбеленные стены и потолок. Шесть металлических разномастных кроватей. По углам палаты стояли две тумбочки, очень похожие на табуретки на длинных ножках, только в их верхней части были вделаны выдвижные ящички, а на третьей, стоявшей посередине помещения, между двух кроватей, красовался горшок с каким-то цветком. Не успел я все это оценить как следует, как наткнулся на любопытные взгляды еще двух обитателей палаты.

– Оклемался, парень? Али как? – спросил меня мужчина с худым, изможденным лицом, на котором довольно странно смотрелись пышные буденовские усы, торчащие в разные стороны.

– Не знаю, – неуверенно произнес я, причем мой тон касался не столько моего физического, сколько душевного здоровья.

– Не знаю, – насмешливо повторил он за мной. – Глянь на него! Не знаю! Да ты радоваться должен, что выжил, паря! Давай знакомиться! Тебя же Костей кличут? А меня зови Михалычем.

Мужчина был тем Семеновым, который ночью вызвал медсестру. Спустя десять минут я знал, что тот воевал с германцем, потом дрался с белыми генералами, а теперь работает в котельной истопником и попал в больницу с очередным обострением язвы. Это был худой, болезненного вида мужчина, но с живыми и хитрыми глазами. Сейчас он сидел на кровати в белой нательной рубашке и кальсонах, держа в одной руке очки, а в другой – газету, а рядом, на соседней кровати, сидел, не отрывая от меня любопытного взгляда, мощного сложения молодой парень с широким лицом и носом-картошкой, который представился Дмитрием. От силы ему было лет двадцать пять. Его левая рука была в гипсе и висела на груди, на перевязи. Работал он в механических мастерских, где при ремонте какого-то прессы произошел несчастный случай.

Оба просто пожирали меня глазами, изнывая от любопытства. Им явно хотелось услышать какую-нибудь страшную историю, но так как я молчал, Михалыч решил подтолкнуть меня к разговору.

– Когда тебя привезли и положили, я подумал, что не жилец ты, паря, на белом свете! На лице ни кровинки. Лежишь весь белый, не шевельнешься, только дышишь. Три дня так лежал. И вот на тебе! Живой! – радостно поделился с нами своими переживаниями истопник.

– Три дня? – вопрос должен был подразумевать удивление, но мне было абсолютно все равно, сколько я здесь лежу. Три дня или три недели. Так как на данный момент это был самый незначительный странный факт из тех, что осознал мой ошеломленный мозг.

– Точно! Лежал. Михалыч правду говорит, – подтвердил Дмитрий. – Только стонал изредка. А так, как труп, даже не шелохнувшись ни разу. Как тебя угораздило, парень, так головой стукнуться?

Я перевел на него взгляд и тихо сказал:

– Не помню.

Слесарь-ремонтник переглянулся с истопником, потом оба уставились на меня с явным сочувствием.

– Тебе что, парень, память совсем отшибло? – наконец поинтересовался Михалыч.

Отвечать я не стал, а вместо этого спросил:

– Какое сегодня число?

– Семнадцатое августа, – тут же отозвался слесарь-ремонтник.

– А год... какой?

Мне был известен год, но мне нужно и важно было подтверждение со стороны того, что я и так знал. Вернее, знал Костя Звягинцев. Зачем мне это было? Честное слово, не знаю. Просто хотел услышать от постороннего человека.

– Сороковой год, – задумчиво протянул Михалыч, взглядываясь в меня, и, немного помолчав, добавил: – Знаешь, парень... Был такой случай у меня. Помню, в девятнадцатом году нашему комэску в бою под Красным так дали по голове, что он только через сутки в себя пришел и тоже, как ты, сидел полдня и, словно дурень, глазами хлопал.

Истопник, по-видимому, ожидал, что этот интересный случай вызовет вопросы, но так как никакой реакции не последовало, наступила неловкая тишина, к тому же, отведя взгляд, я уставился в потолок, всем своим видом показывая нежелание продолжать разговор. Михалыч,

пожав плечами, надел круглые очки и принялся читать газету. Дмитрий еще какое-то время поглядывал на меня, потом встал и, подойдя к распахнутому окну, сел на подоконник и стал слушать музыку духового оркестра, которая неслась из громкоговорителя, подвешенного где-то снаружи.

Попытки понять, как такое могло произойти, я отбросил сразу. Не мое это, да и ни с чем подобным не только сталкиваться, к тому же даже слышать о подобных фактах не приходилось. В чудеса не верил, так же как в бога и черта. Переселение души? Хотя факт был налицо, но все равно мне почему-то казалось, что к этому мой случай никакого отношения не имеет, хотя бы потому, что имеется факт наличия двойной памяти. Это настораживало, так как невольно подталкивало к мысли, что у хозяина тела еще есть шанс возвратиться...

Впрочем, новое тело и прыжок в прошлое я был вынужден признать как факт, от которого никуда не денешься, и сделал соответствующий вывод: будем жить с тем, что есть... Вот только как уложить жизненный опыт и привычки взрослого человека с образом юноши, лишь вступающего во взрослую жизнь? Настолько разный жизненный опыт, что и говорить об этом не приходится, не говоря уже о привычках и вкусах. Ведь чтобы полностью перевоплотиться в юношу, требовалось определенное актерское мастерство, которого у меня даже на грош не было.

Опекаемый родителями, Костя был наивен, а во многих чисто житейских вопросах даже глуп, подменяя реальную жизнь своими юношескими фантазиями, но это если судить с точки зрения взрослого человека. При этом обладал очень цепкой зрительной и умственной памятью и имел, по тому времени, отличное образование, в чем была немалая заслуга его родителей, высокообразованных и интеллигентных людей. Именно они привили сыну любовь к книгам и изобразительному искусству. Кроме того, он почти в совершенстве владел двумя иностранными языками, хорошо играл в шахматы и пытался писать стихи.

«Талантливый паренек, не то что я, разгильдяй...» – И память автоматически перескочила на страницы моей собственной биографии, как бы сравнивая прожитые мною годы с неполными семнадцатью годами угловатого юноши, который только-только взял старт во взрослую жизнь. В отличие от талантливого парня у меня были свои достижения в жизни, хотя их далеко не каждый человек так назовет. Конечно, можно сослаться на такие слова, как «присяга», «служебный долг», «выполнение приказов командования», и это будет правильно. Я получал приказы и старательно их выполнял, но если заглянуть в Священное писание, то большинство заповедей мною были нарушены. Причем неоднократно.

Так уж сложилось, что моя жизнь разделилась на две неровные части. Первая часть моей жизни началась с детского дома. Первые несколько лет я мечтал о том, что вот-вот придут мои родители и заберут меня домой, но уже в двенадцать окончательно понял, что о них можно забыть и жить надо не мечтами, а реальной жизнью. Идти учиться в техникум или институт не было ни малейшего желания, поэтому результатом выбора стало ПТУ. Во время учебы ходил в секцию бокса, но спустя год с лишним меня отчислили, так как не всегда получалось сдерживаться и драться по правилам. Затем был выпуск и направление на завод. Заводское общежитие мало чем отличалось от детского дома, вот только теперь я считал себя взрослым, а значит, надо гулять по-взрослому. Пьяные компании, девочки, драки. Парень я был не по годам крепкий, к тому же не умел отступать, так что сидеть бы мне в тюрьме, да участковый оказался настоящим человеком, сумел найти к строптивому и своевольному парнишке подход. Узнав, что я занимался боксом, устроил меня в секцию самбо, а спустя год я ушел в армию. Степан Петрович Козарев, наш участковый, стал единственным человеком, кто пришел проводить меня в армию.

Казарма практически ничем не отличалась от детдомовской спальни и койки в общежитии, поэтому особых проблем для меня армейская жизнь не представляла, а вот дисциплина напрягала.

Полгода учебки в десантно-штурмовой роте – и здравствуй, Афганистан! Многие из моих однолеток были умнее и образованнее меня, но зато, в отличие от них, я обладал звериной интуицией, хитростью и изворотливостью, а если к этому прибавить смелость, хладнокровие и жестокость, то получится идеальный боец. Мой командир оказался хорошим воспитателем и сумел привить необходимые для войны навыки. Основной предмет «как стать сильнее страха», без которого трудно выжить, я постоянно сдавал на пять баллов. Не все из солдат оказались готовы к подобным экзаменам, но, в отличие от многих, я смог стать достойным учеником своего учителя. Эти годы закалили меня, научили как отчаянной смелости, так и осторожности и терпению, но главное – умению разбираться в людях. Уже позже я понял, как мне повезло с командиром. Волевой, хладнокровный и жесткий офицер стал для меня примером. Именно от командира, великолепного мастера ножевого боя, на всю оставшуюся жизнь у меня осталась страсть к холодному оружию. За время службы у меня в голове сложилась мысль посвятить себя армии, но командир, похоже, лучше знавший меня, чем я сам себя, не сразу, а постепенно доказал мне, что служба в Афганистане по большей части является работой наемника, но никак не солдата.

Все, что я вынес из Афганистана, помимо богатого боевого опыта, были старшинские лычки и три медали. С другой стороны, доказал себе, что я крутой мужик, а значит, живи дальше, работай, заводь семью, вот только спустя какое-то время я понял: окружающий мир без войны для меня не существует, поэтому об обычной работе не могло быть и речи.

Следующие полтора года я кидался из стороны в сторону, работая то охранником, то вышибалой, но это была не та жизнь, к которой я стремился. Мне не хватало риска, ярости смертельных схваток и адреналина, кипящего в крови. Жизнь с каждым днем становилось все более серой и блеклой. Что делать? Оставался криминал, но от этой ошибки меня спас бывший командир. Он вспомнил обо мне, так как в это время собирал команду для «командировки» в одну банановую республику. На вопрос «что там будем делать?» он ответил коротко и по существу: работать по специальности и с хорошей оплатой, на что я с большой радостью согласился.

Следующие одиннадцать лет, переходя от одной войны к другой, я воевал зло и жестко, придерживаясь только двух правил: не предавать интересов Родины и не воевать против своих, пока не получил тяжелое ранение в бедро и не превратился в инвалида. Моя профессия наемника не исключала подобный вариант, но человек всегда надеется на лучшее, а это в моем понимании означало быструю смерть. Пуля в голову или в сердце.

«Что случилось, то случилось», – подведя этими словами итог своей прежней жизни, я снова, в очередной раз, стал делать попытки найти себя в гражданской жизни.

Неизвестно, как бы сложилась моя дальнейшая судьба, если бы не одна моя странность. Мне всегда нравилось посещать художественные музеи и картинные галереи. Тихие, прохладные залы, увешанные картинами, были спокойным и уютным местом, противовесом моей бурной, полной боевого азарта и риска, жизни наемника. Словно тихая пристань для корабля, который, стремясь уйти от бури, укрывался в спокойной гавани. При моем характере и образе жизни это можно было объяснить только генами, заложенными во мне одним из моих предков, видимо каким-то образом связанным с искусством. Именно там, в одном из художественных музеев, случай свел меня с женщиной, которая спустя год стала моей женой. Это был в моей жизни сложный, непонятный и очень неприятный (и это мягко сказано) период, и только Лена стала тем единственным человеком, который поддержал меня в то трудное время. Она не жалела меня той бабьей, надрывной жалостью, с причитанием и слезами на глазах, а отогрела и вернула в люди своей особой душевной теплотой. Девизом нашей совместной жизни вполне могли стать слова из песни: «просто встретились два одиночества».

До нашей встречи у Лены была одна-единственная любовь и страсть: ее искусство. В сорок три года она уже была признанным международным экспертом-искусствоведом по искус-

ству эпохи Возрождения, имела ряд научных работ, докторскую степень. В какой-то момент к ней пришло прозрение: годы, когда люди сходятся, обзаводятся семьей и заводят детей, прошли, и тогда произошла наша случайная встреча. Наверное, это была высшая предопределенность или, проще сказать, судьба. Вместе мы прожили семнадцать лет. Год назад ее не стало. Этот период я считаю своей второй половиной жизни. Она совершенно противоположна первой части, но со временем я приобрел к ней вкус и перестал сожалеть о прошлом. Экспертом в области искусства я, конечно, не стал, но определенные знания и опыт в этой сфере получил.

Работая в архиве МВД, со временем я заинтересовался историей советской милиции. Это стало моим вторым увлечением. В свободное время, насколько это было возможно, я старался как можно чаще посещать тир и зал ножевого боя. Естественно, что схватки на ножах для инвалида были противопоказаны, но мне никто не мешал там оттачивать, доводить до совершенства метание ножа в мишень.

Теперь, в этом времени, мне, судя по всему, снова придется учиться жить. Уже в третий раз. Я еще только пытался приноровиться к мысли о новой жизни, как дверь открылась, и в палату вошли два врача, сопровождаемые медсестрой. Внешний вид медиков был для меня непривычен. У мужчин и женщины были одинаковые длинные белые халаты, которые завязывались сзади на тесемочки. Кроме того, у сестры волосы прикрывала белая косынка, делавшая ее похожей на монахиню. Один из врачей мне был уже знаком по ночному визиту. Незнакомый доктор первым подошел к моей кровати.

– Здравствуй, Константин. Меня зовут Михаил Аристархович Поливанов. Я заведующий отделением. Как ты себя чувствуешь?

– Не знаю даже, – тихо ответил я на его вопрос. – Вроде неплохо.

– Хм. Для человека, трое суток пролежавшего без сознания, ты действительно неплохо выглядишь. Теперь давай подробнее. Голова кружится?

В течение какого-то времени он меня трогал и ощупывал, одновременно задавая мне вопросы о самочувствии. По мере осмотра его лицо принимало все более задумчивое выражение, и когда он подвел итог, в его голосе явно чувствовалась неуверенность:

– Гм. Честно говоря, ничего не могу сказать на данный момент. Если исходить из вашего состояния, то у вас, молодой человек, все как бы в порядке. Гм... но это для человека, который получил обычное сотрясение мозга, но тогда сразу возникает вопрос: что могло вызвать у вас столь длительное состояние комы? Причем... Впрочем, я не специалист. М-м-м... Хорошо бы вас показать... Ладно. Пока лежите у нас, молодой человек, а мы вас наблюдаем. Гм. Так что до завтра.

Судя по тому, что он неожиданно перешел на «вы», его голова сейчас была занята разгадкой необыкновенного случая в медицинской практике. Если на меня потратили определенное время, то с двумя другими пациентами нашей палаты врачи разобрались быстро. Дмитрий, оказывается, попал в больницу вчера поздно вечером, поэтому его решили оставить до утра и сегодня после короткого осмотра выписали из больницы, при этом сказав, что ждут его через две недели на осмотр. Он тут же стал одеваться с помощью молоденькой сестры. У кровати Михалыча они тоже долго не задержались, и спустя пять минут дверь за ними закрылась. После того как они ушли, истопник ехидно заявил, что это не врачи, а коновалы, и какое-то время негромко ругался, но высказать свое возмущение до конца ему не дал приход «моих» родителей, после чего состоялся мутный, бестолковый, суетливый разговор. Мама плакала навзрыд, отец, было видно, тоже сильно переживал, но крепился, стараясь не показывать своих чувств. Судя по их состоянию, вид у меня был не сильно бодрый, поэтому я постарался успокоить, пусть и дежурными словами:

– Папа, мама, все уже хорошо. Не волнуйтесь вы так, я почти здоров.

Когда они наконец ушли, я облегченно вздохнул, так как довольно трудно было исполнять навязанную мне роль сына, но как оказалось, визиты на этом не закончились. После обеда пришел младший лейтенант милиции. На фуражке пятиконечная звезда с извечным серпом и молотом, гимнастерка белого цвета, в голубых петлицах три кубика, портупея с кобурой и планшет, из которого он сразу вытащил блокнот и карандаш. Меня удивило только одно: мужику лет сорок, а то и более, а он все в младших лейтенантах ходит. После короткого представления он пожелал узнать, как я оказался лежащим с пробитой головой на улице Парижской Коммуны. Пришлось ему объяснить почти теми же словами из фильма «Бриллиантовая рука», что я шел по улице, подвернулась нога, упал, а дальше – больница.

– Гм. Значит, шел, затем оступился и упал. Все так и было? Ничего не путаешь, парень? – с явным недоверием спросил лейтенант.

– Все так, как я сказал.

– Хм! Пусть так, – в его голосе чувствовалось явное сомнение, – но ты потом, когда выздоровеешь, зайди ко мне. Авось что-нибудь и вспомнишь. Договорились?

– Хорошо, – соврал я, зная, что не приду к нему.

– Выздоровливай, Костя. До свидания.

Михалыч, все это время делавший вид, что читает, а сам внимательно прислушивавшийся к нашему разговору с милиционером, отложил газету, после чего лег, повернувшись к стенке, и уже через несколько минут захрапел. Для меня наступило время обдумать мою будущую жизнь. Новое тело и новое время я уже признал как факт, а вот линию поведения предлагалось продумать и выработать.

«Слишком большая разница лет, да и характеры, считай, две противоположные величины».

У нас был настолько разный жизненный опыт, что и говорить об этом не приходилось, не говоря уже о привычках и вкусах. Исключением из правила можно было назвать любовь к картинам, но даже здесь искусство было целью и смыслом жизни Константина Звягинцева, а у меня оно стояло на втором месте, являясь своего рода хобби. Опекаемый родителями, Костя был еще по-детски наивен, а во многих чисто житейских вопросах даже неразумен. Несмотря на внешнее благополучие, в их семье была «страшная» тайна. Его родители с молодых лет посвятили свою жизнь борьбе за счастье народа, став профессиональными революционерами, но, как оказалось, и у них были причины бояться за себя и за сына.

Если раньше они с восторгом и энтузиазмом относились к свершениям революции, то теперь их радость сменилась настороженностью и опаской. Дело в том, что родители матери имели дворянское происхождение, а это означало, что она в любой момент могла не пройти проверку классово-благородности и автоматически становилась «врагом народа». Именно поэтому Кирилл Иннокентьевич Звягинцев, имея пост начальника отдела в комиссариате народного образования, в 1937 году перевелся из столицы в небольшой подмосковный городок на должность заведующего отделом народного образования, а его жена, Мария Евгеньевна, стала директором школы. Переезд был совершенно неожиданным для их сына, но через какое-то время совершенно случайно ему удалось узнать правду из разговора родителей. Он был тогда мал и не придавал этому большого значения, но в памяти разговор все равно отложился. Суть этого разговора, который мне достался по наследству, заключался в следующем: начались чистки среди руководящих работников, и к их семье стали присматриваться. Растворившись в глубинке, его родители благополучно пережили «большую чистку».

Благодаря усидчивости и отличной памяти Константин в июне 1940 года, в возрасте шестнадцати лет и десяти месяцев, окончил среднюю школу им. С. М. Кирова, получив аттестат, соответствующий нынешней золотой медали, что дало возможность поступить без экзаменов в один из престижных вузов страны – в Московский институт философии, литературы

и истории, на факультет истории искусства. За два дня до того, как Костя попал в больницу, он ездил в Москву и узнал, что зачислен в институт на первый курс.

Проснулся от матюгальника, так я успел обозвать черный четырехугольный рупор, висевший на столбе, рядом с нашим домом. Тот захрипел, пытаясь пропустить через себя звуки какого-то марша, выдуваемого духовым оркестром.

«Дура громогласная, мать твою!» – невольно выругался я.

Первым делом посмотрел в сторону буфета, на часы. 8:03. Настенных часов у семьи Звягинцевых не было, а вместо них был будильник, стоявший в спальне родителей, и бронзовые каминные часы с двумя ангелочками по обеим сторонам циферблата, стоявшие на буфете. Откуда эти часы появились, прежний хозяин тела не знал – просто они всегда были в их семье. Я поднялся и сел на кровати, оглядывая комнату. Смотрел так, словно видел впервые, хотя для моей второй памяти вся обстановка квартиры была хорошо знакома. Несмотря на то, что наши памяти каким-то образом переплелись, никакого дискомфорта я не испытывал. Прислушался. Где-то плакал маленький ребенок. Память Кости тут же подсказала: это у Надеждиных, их младшая дочка Танька разревелась.

Мой отец, когда получил квартиру в ведомственном доме, по приезде сошелся с начальником механических мастерских Дмитрием Михайловичем Надеждиным и главным инженером Евгением Тимофеевичем Степаненко. Для тогдашнего школьника Кости они были, да и сейчас оставались, дядей Дмитрием и дядей Женей. Чуть позже к их компании присоединился Степан Иванович Обойников, председатель Облшвейсоюза, одной из организаций Промкооперации, в который входили пошивочные артели и ателье городка.

Родители уже ушли на работу. Было тихо, но спустя пару минут издали послышались далекие голоса. Веселые, звонкие и пронзительные детские голоса.

«Компания собралась. Идут на речку купаться».

Весь вчерашний вечер, проведенный с родителями, для меня был чем-то похож на переживание минного поля. Зрелый мужик, как я ни контролировал себя, моментами проступал из Кости Звягинцева, и поэтому успел поймать несколько тревожно-недоуменных взглядов матери. Отец ничего не заметил. Впрочем, я не удивлюсь, что потом мать поделилась с ним своей тревогой по случаю неадекватного поведения сына. Ни память, ни знание привычек родителей – ничто не могло заменить естественных реакций и эмоций ребенка, которые в памяти никак не могли быть отпечатаны. Вот эту самую импровизацию чувств не могло не заметить любящее сердце матери. Правда, пару раз, как бы невзначай, я пожаловался на боли в голове и звон в ушах. Об этих симптомах, которые могут проявляться какое-то время, меня при выписке предупредил лечащий врач.

Встал, подошел к массивной деревянной конструкции, к буфету (особой маминой гордости). Его верхняя часть была застеклена, там стояла посуда – сервиз на шесть персон и с десяток разномастных тарелок, стаканов и кружек. Сервиз доставали редко. В дни больших государственных праздников и семейных торжеств. За стеклом сейчас стояли три открытки, присланные в свое время нам какими-то родственниками. Сталин на фоне Кремля, самолетов и танков, а внизу надпись: «Сталинским духом крепка и сильна армия наша и наша страна». Рядом открытка – поздравление с Новым годом. На ней изображены две пары на коньках, показанные на фоне Кремля и красных звезд, державшие друг друга под руки. У каждого из них на груди была красная цифра, а вместе они составляли число – 1940. Судя по очкам летчика на шапочке одной из девушек, она олицетворяла собой авиацию, а по буденовке парня можно было понять, что тот представлял Красную армию. Кто были остальные двое? Некоторое время, глядя на них, пытался угадать, но никакой догадки так и не пришло на ум.

«Да и фиг с ними, другое непонятно: почему поздравительная открытка сделана в три цвета? Денег на краски нет или решили, что и так сойдет?»

Третья открытка представляла собой репродукцию картины Васнецова «Богатыри».

Память чисто автоматически выдала информацию по картине: над созданием этой картины художник работал почти тридцать лет. В 1871 году был создан первый набросок сюжета в карандаше, и с тех пор художник увлекся идеей создания этой картины. В 1876 году был сделан знаменитый эскиз с уже найденной основой композиционного решения. Работа над самой картиной длилась с 1881 по 1898 год, а уже готовая картина была куплена Петром Третьяковым, основателем Третьяковской галереи.

Отвернулся и подошел к зеркалу, чтобы посмотреть на себя. Отображение показало угловато-худое тело юноши с узкими плечами и выпирающими ключицами. Уже в который раз смотрелся в зеркало, привыкая к своей внешности, и каждый раз не мог удержаться от кривой усмешки. Ну не нравился я сам себе, и все тут!

«Ну что, скелет ходячий, придется вплотную заняться твоим физическим воспитанием...» – дав себе это обещание, снова оглядел комнату. Она была гостиной, столовой и одновременно Костиной спальней. Диван, на котором спал Костя, соседствовал с этажеркой, стоявшей у входной двери. На ней стоял патефон, а внизу на двух полках лежали пластинки. Одну из стен занимал массивный буфет с завитушками. В нем хранилось главное достояние семьи Звягинцевых – художественные альбомы известных художников, отпечатанные еще в царское время. К ним в семье относились как к малым детям – осторожно, бережно и ласково. Посреди комнаты стоял стол, накрытый светло-коричневой плюшевой скатертью с бахромой, маминой гордостью, а на нем ваза. В день рождения мамы и на праздник Восьмое марта в ней всегда стояли цветы. Вокруг стола расположились четыре стула с высокими спинками. В комнате была еще одна дверь, которая вела в спальню родителей. Там стояла кровать, одежный шкаф и письменный стол, заваленный тетрадками учеников, методическими пособиями и словарями. Им попеременно пользовались родители. Мама на нем готовилась к занятиям по немецкому и французскому языку, а отец (по большей части поздно ночью) готовил справки и доклады по работе РОНО.

Из этических соображений я учился в другой школе, так как родители считали неправильным учить сына в школе, где его мама преподает и работает директором. У обоих родителей помимо любимой ими педагогической работы было еще одно страстное увлечение – страсть к живописи. От них заразился и Костя.

Все свое свободное время юноша предпочитал проводить наедине с книгами и художественными альбомами. Была у него еще одна страсть – коллекционирование старинных монет. Костя не то чтобы сторонился компаний мальчишек, он просто считал это пустым времяпрепровождением, поэтому редко ходил с ребятами на речку или в лес. Несмотря на некоторое отчуждение со стороны ребят, он никогда не отказывал в помощи по школьным предметам, а также позволял списывать контрольные. Но ни литературные викторины, ни олимпиады по физике и математике, на которых он занимал первые места и выигрывал призы, никак не прибавляли ему уважения со стороны одноклассников. С другой стороны, он был активным комсомольцем, участвовал в подготовке школьных праздничных вечеров, редактировал школьную стенгазету, и даже одно время вел кружок по истории живописи.

Городок я хорошо знал по памяти бывшего хозяина тела, но теперь решил пройтись по улицам, посмотреть на него другим – своим – взглядом. Дома по большей части были деревянные и ветхие. Прошел мимо булочной и мастерской сапожника, и вдруг где-то сбоку раздался непонятный стук и лязг. Резко развернулся, а это был лишь мальчишка, который гнал перед собой железный обруч крючком из толстой проволоки по булыжной мостовой. Прошел мимо пивной будки, а по-другому ее и не назовешь. Сверху была прибита вывеска, на которой красной краской, уже потрескавшейся и немного облупившейся от времени и непогоды, были выведены два слова: «ПИВО. РАКИ». Вырезанное в передней части ларька окошко было рас-

пахнуто, и в проеме, правда, смутно, виднелось полное лицо продавщицы. В двух шагах торчали грибами-поганками три потемневших от времени столика, за которыми сейчас пили пиво несколько человек. Один в белой рубашке, белых штанах и легкой соломенной шляпе, держа под мышкой папку, сейчас запрокинув голову, с жадностью пил пиво. Судя по его мокрому лицу, жара советского служащего окончательно достала. Трое мужиков, расположившихся у соседнего столика, похоже, устроились основательно, так как около них уже стояло по пустой кружке, и сейчас они вливали в себя вторые, а может и третьи порции. Да и горка рыбьей чешуи на середине стола подтверждала, что стоят уже давно. На вид они смотрелись босяками. Этим словом я обозначал в своей прежней жизни личностей, которые были готовы пить что угодно и с кем угодно. Они мало чем отличались от тех персонажей из моей прошлой жизни. Серые рубашки, мятые штаны и такие же мятые физиономии.

Раньше из-за таких типов Костя Звягинцев обходил подобные места по другой стороне улицы, я же шел прямо к пивному ларьку с желанием опрокинуть кружечку, но уже в следующую секунду вспомнив, кто есть на самом деле, резко свернул в сторону. Мужик в соломенной шляпе не обратил на меня никакого внимания, так как, судя по легкой задумчивости на его лице, все еще решал: не выпить ли ему еще пива? Зато один из босяков, стоящий ко мне лицом, заметил мой маневр и с любопытством проследил за мной взглядом. Завернул за угол и медленно прошел мимо школы, в которой учился Константин Звягинцев, и городской библиотеки. Отметил то, что для Кости было привычно, а мне резало глаз. Обилие плакатов и лозунгов. «Комсомол – верный помощник партии», «Готов к ПВХО. Приобретайте билеты 14-й лотереи Осоавиахима!», «Нарпитовец, повышай свою квалификацию». Последний плакат висел на стене столовой.

Выйдя из тени столовой, я вдруг почувствовал на себе чей-то чужой взгляд. Чувство опасности встряхнулось, словно пес после сна, и настороженно замерло. Я мог только догадываться, кто за мною следит. Чтобы это проверить, я как бы случайно забрел в одно тихое, но излюбленное место мальчишек-подростков. С одной стороны глухая стена склада ПОТРЕБСО-ЮЗА, с другой стороны заброшенный пустырь, где сгрудились полуразвалившиеся клетушки сараев, земля была завалена ржавыми кусками железа, разбитыми ящиками, досками, кучами битого кирпича. Здесь, подальше от взгляда родителей, мальчишки играли в орлянку или в карты, курили и дрались.

Моя догадка оправдалась на все сто процентов. Вслед за мной на пустырь вышел Семен Жигун по кличке Гвоздь. Худое, костистое лицо парня было под стать его длинной, неуклюжей фигуре. Синяя линялая рубака с засученными рукавами, обтрепанные штаны неопределенного цвета, грубые ботинки. Мелкий хулиган, изображавший отъявленного уголовника, имел несколько приводов в милицию за мелкое воровство и драки. Нередко с компанией таких, как и он, подонков Гвоздь устраивал засады на школьников, забирая у тех еду и деньги. Несколько раз подобное случилось и с Костей, за исключением их последней встречи. Их встреча тогда была случайной. Гвоздь был пьян. Перегородив юноше дорогу, потребовал от него денег, а когда тот ему отказал, разозлился и ударил, а результатом стало неудачное падение подростка виском на осколок кирпича.

– Выжил, падла, – криво ухмыльнулся хулиган. – Я-то думал, что ты тогда копыта откинул. Так вот, у меня к тебе вопрос нарисовался. Ты чего мусорам меня не заложил?

– А что, надо было? – в свою очередь ухмыльнулся я. – Ты только хорошо попроси, так прямо сейчас и пойду.

Тот чуть ли не целую минуту переваривал мой ответ, глядя на меня удивленными глазами. Не таких слов он ожидал от этого труса. Ведь он специально выслеживал Звягинцева именно для того, чтобы встряхнуть из вчерашнего школьника, как обстоят дела. Раз дело на него не завели, даже участковый не приходил, то это могло означать только одно: Звягинцев настолько его боялся, что так ничего и не сказал в милиции, иначе бы Гвоздь давно сидел в

кабинете следователя. Трус он и есть трус! А тут такой наглый ответ. Что-то он больно храбрый стал, так я ему сейчас напому. Вдруг он неожиданно вспомнил, как его тогда охватил страх. Дикий, панический страх сжал его сердце, стоило ему увидеть неподвижное тело на земле и растекающуюся кровь вокруг головы Звягинцева. Моментом протрезвев, он помчался сломя голову прочь от места преступления.

«Убил! Убил!» – эта мысль каталась и билась в его голове, отдаваясь многократным эхом.

Он не помнил, как забрался в сарай за домом, в свое потайное место, где его вырвало. Как он не спал ночь, трясаясь в ожидании, что за ним вот-вот придут, и только к обеду второго дня узнал, что Звягинцев уже сутки лежит без сознания. Спустя какое-то время разнесся слух, что сын заведующего отделением народного образования не жилец на этом свете, и только тогда Гвоздь отпустил страх, но, как оказалось, ненадолго. На третьи сутки среди жителей городка пронеслась весть, что мальчик очнулся, и тогда Семен Жигун снова ударился в панику, кинувшись собирать вещи, чтобы уехать до приезда милиции. Окольными путями, крадучись, он пробрался к железной дороге, чтобы сесть на товарняк до Москвы, но тут на его подозрительное поведение обратили внимание бойцы железнодорожной охраны. После грозного окрика он снова потерял голову от страха и сломя голову кинулся обратно в городок.

Двое суток Гвоздь ночевал в каких-то развалинах на окраине городка, вздрагивая от каждого шороха. Еда, которую он захватил с собой, быстро закончилась, и он, отчаявшись, решил пойти сдать сам, но на подходе к милиции случайно наткнулся на одного из своих дружков, от которого узнал, что его никто не ищет. В один миг страх сменился изумлением, а затем дикой злобой. Он тут мучился, переживал... Но спустя какое-то время все обдумав, он остыл и решил, пусть все идет, как идет, вот только любопытство застряло в нем занозой. Ему до смерти хотелось понять, почему все так получилось. Вот только когда они встретились, этот трус как-то неправильно себя повел. Он должен был бояться Семена, как и раньше, вот только теперь в нем нет страха. Как это понять?! Он с ним встретиться решил, почти пожалел, а этот сучий выродок вон как заговорил! Смелый! Ничего! Сейчас он ответит за все его страхи! На коленях будет стоять и молить о пощаде! Он за все ответит! Семен успел только размахнуться, как Звягинцев стремительно перехватил его руку и... Гвоздь оказался на земле, лицом в пыли. Он был настолько удивлен тем, что с ним произошло, что не только забыл про боль, но даже не вскочил сразу на ноги, а только поднял голову и посмотрел на Звягинцева. Тот весело скалил зубы. Он ничего не понимал, да и не хотел понимать, так как тупой мозг хулигана был полностью поглощен двумя чувствами – унижением и яростью. Эта взрывоопасная смесь заставила его вскочить на ноги.

– Все! Умри, падла!

Выхватив заточку, он кинулся на Костю, а уже в следующую секунду Гвоздю показалось, что его правая рука попала в железные тиски. Он охнул от боли, и на его глазах показались слезы. Ничего не соображая от дикой злобы, Семен рванулся всем телом, пытаясь вырваться из захвата, и наткнулся боком на острый стальной штырь. Огненно-острая боль опалила его изнутри словно огнем.

– Ты, сука... А-а-а! – но уже в следующую секунду дикая боль, задавив в нем все чувства, заставила его громко и хрипло застонать. Он бросил взгляд вниз и увидел кровавое пятно, расплазающееся по рубашке, и свою руку с заточкой, торчащей в боку. Гвоздь хотел вырвать ее, но тело уже не слушалось. Сначала он упал на колени, а затем завалился на бок. Он даже не сознавал, что умирает. Последнее, что его мозг отпечатал в своей памяти, это были белые парусиновые туфли, находящиеся в шаге от его лица. Тело в агонии дернулось в последний раз и замерло на горячей от полуденного жаркого августовского солнца земле.

Я быстро огляделся по сторонам. Никого не было. Так оно и должно быть, что здесь делать мальчишкам в полуденную жару, когда рядом речка.

«Свидетелей нет. Ну и славно».

Обогнув тело, я быстро зашагал по залитому жгучим августовским жаром пустырю, заросшему чертополохом и лопухами. Поплутав по улочкам, нашел скамейку в тени дерева и уселся. Кое о чем следовало подумать, так как у меня и в мыслях не было доводить дело до подобного финала, но это случилось, а значит, в чем-то был мой просчет. Теперь требовалось понять, в чем ошибка, чтобы не допустить подобную оплошность в следующий раз. Сделано было все правильно. Тактически верно провел прием, исходя из тщедушного сложения Кости Звягинцева, фактора неожиданности и четкого знания приема. Вывернув Гвоздю руку, хотел ткнуть подонка носом в пыль, затем сломать руку, чисто в воспитательных целях. Вот только прошло все не так. Причина могла быть только в одном: мои рефлексy, навыки и опыт рукопашного боя вступили в противоречие с физическими возможностями доставшегося мне тела.

Труп спустя несколько часов нашли мальчишки, и вскоре новость облетела весь городок. Власть и население три дня лихорадило, искали убийцу, но судя по слухам, которые стремительно разлетались среди жителей, милиция его вряд ли когда-нибудь найдет. К тому же в одном из вариантов народных новостей злостный хулиган Семен Жигун по кличке Гвоздь фигурировал как самоубийца, убивший себя собственной заточкой. Естественно, что следствие такой вариант даже не рассматривало, так как эксперты определили совершенно точно, что тому помогли умереть. Это также подтверждали следы другого человека, найденные у трупа. Вот только эта улика никак не могла помочь следствию: в таких парусиновых туфлях на резиновом ходу ходили две трети городка, как мужчины, так и женщины. Кроме того, не было у следователя Дмитрия Вадимовича Степанкова и мотива преступления, поэтому тот решил остановиться на одной-единственной версии, которая должна была всех устроить: Гвоздь перешел дорогу кому-то из блатных, и тот, как говорят уголовники, «поставил его на перо». Сейчас следователь сидел в кабинете и в уме формировал заключение по этому делу, но додумать окончательно ему не дал зазвеневший на его столе телефон.

– Следователь Степанков слуш... Да, товарищ начальник! Так это... я дело Жигуна сейчас оформляю. Семен Жигун по кличке Гвоздь! Куда засунуть? А! Понял! Закрyть и забыть! Так точно! Сейчас выезжаю!

Следователь положил трубку, потом посмотрел в окно, за которым разгулялась гроза, и поморщился. Меньше всего ему сейчас хотелось выходить на улицу, под проливной дождь, но был прямой приказ начальника, тем более что пострадавший, получивший ножевое ранение в пьяной драке, являлся членом партии. При этой мысли следователь снова поморщился. Он очень не любил вести дела с политическим оттенком. Хотя времена «большой чистки» вроде прошли, но то, что следователь Дмитрий Вадимович Степанков пережил за те годы, оставило в его душе неизгладимый отпечаток страха, который нет-нет да и начинал шевелиться, отравляя ему жизнь.

Глава 2

Махнув рукой родителям в последний раз из-за плеча проводника, я прошел в вагон, положил чемодан на багажную полку, сел и облегченно выдохнул воздух.

«Теперь не скоро их увижу. И это радует».

Чувства к ним у меня были смешанные. Они были хорошими людьми, и я старался делать все, чтобы их не огорчать, но с другой стороны, общение с ними давалось с таким трудом, что к вечеру появлялось ощущение, аналогичное тому, словно целый день ходил по минному полю с завязанными глазами. Со стороны выглядит вроде все хорошо. Ты знаешь привычки, жесты, любимые словечки этого юноши, но сочетать их вместе со своими привычками, которые так и рвутся из тебя, очень и очень сложно. Недаром мама нередко бросала на меня испуганные взгляды, когда ее сын временами становился чужим и непонятным.

Спустя четыре часа поезд прибыл в Москву. Доехав до Сокольников, где находился институт, я отправился в секретариат, где занялся оформлением документов и получением койки в общежитии. Вновь прибывшие студенты с возбужденно-радостными лицами бегали туда-сюда, суеились, задавая все новые и новые вопросы. Я снисходительно смотрел на них с высоты своего солидного возраста и внутренне усмехался. Быстро оформил нужные документы, после чего отправился в общежитие.

Вошел в комнату на первом этаже, которая станет отныне моей на ближайшие четыре года. Стоп! На один год. Дальше война... Огляделся. Большая комната с одним-единственным окном, соответствующим помещению, таким же огромным, шириной где-то два с половиной метра. Восемь железных кроватей, расставленных вдоль стен, и рядом с каждой – низенькая тумбочка. Посредине стоял длинный голый стол и невзрачные, расшатанные стулья, а с потолка свисали три лампочки без абажура. Оглядев комнату, подумал, что к такому спартанскому набору мне не привыкать, почти та же казарма, хотя в душе хотелось комфорта, к которому я успел привыкнуть за свою вторую половину жизни. Не успел я выбрать себе кровать, как в комнату вошли трое парней. Первый, плотного сложения парень с густой гривой волос, быстро obeжав меня снисходительным взглядом, подошел и протянул руку.

– Давай знакомиться! Дмитрий Егошин!

– Костя, – я осторожно пожал грубую и крепкую ладонь сокурсника. – Звягинцев.

– Что, Звягинцев?! Будем строить новую, пролетарскую культуру?! Ты как, с нами?

– Там видно будет, – усмехнулся я.

– Нет! Так не пойдет! Ты или с нами, или против нас! Советским людям нужно свое искусство! Свои писатели и поэты! Маяковский и Горький – это наши маяки, на которые мы должны держать направление! Они заложили основу пролетарского искусства, а нам нужно как можно больше развернуть поднятое ими знамя рабоче-крестьянской культуры! Именно нам, молодежи страны Советов, предстоит внедрять комсомольско-коммунистическую культуру в народные массы! Только так мы...

«Самодовольный и наглый ублюдок. Бедная культура...»

Больше не слушая его болтовню, я направился к двум парням, стоявшим посредине комнаты с ехидными улыбками на лицах, при этом с удовольствием констатируя, что пламенная речь за моей спиной резко оборвалась. Один из ребят, с рыжими кудрями и веселыми глазами, поставил чемодан на пол и, больше не сдерживаясь, весело рассмеялся. Похоже, на нем уже опробовал свое ораторское искусство носитель новой пролетарской культуры. Не успел я подойти, как он протянул руку.

– Петр, – представился он. – Мой дед и отец – речники. Вся их жизнь с Волгой связана, а я вот в литераторы решил податься. Внештатным корреспондентом целый год работал. Писал под псевдонимом Товарищ Речник, а фамилия моя – Трубников.

– Рад знакомству. Костя. Буду изучать историю искусств.

– Александр Воровской, – представился второй юноша, подтянутый, спортивного вида. – Тоже буду изучать историю искусств.

– Костя Звягинцев, – в очередной раз представился я.

В следующую секунду дверь снова открылась, и вошли новые жильцы нашей комнаты.

После того, как все перезнакомились, мы толпой отправились на поиски столовой, а пока шли, я прокручивал в голове цифры.

«Родители дали мне с собой четыреста рублей, стипендия – сто сорок рублей, обед в студенческой столовой стоит, как говорят ребята, тридцать пять копеек, так что с голода точно не умру. Три рубля в месяц за общежитие. Сюда входит пользование душем, кухней и смена белья два раза в месяц. За еду и крышу над головой можно не беспокоиться. Правда, быт уж больно спартанский, а я как-то привык к хорошей жизни. Ладно. Там видно будет».

Прошло две недели. Учеба не напрягала, так как Костя Звягинцев имел основательный запас знаний. Из ребят по комнате я ближе всех сошелся с Александром Воровским. По трем причинам. Во-первых, это был спокойный и немногословный парень. Как и я. Во-вторых, мы оказались с ним в одной группе, а третьей и главной точкой соприкосновения стало знание немецкого языка. Дело в том, что огромный недостаток обучения иностранным языкам в институте заключался в том, что оно не предполагало необходимости живого контакта с носителями изучаемого языка, и студенты умели свободно читать на иностранном языке, но при этом разговорная речь у них изрядно хромала. Саша, как оказалось, отлично владел немецким разговорным языком, причем с ярко выраженным берлинским акцентом. Как я узнал намного позже, он был сыном одного из работников посольства в Германии и прожил там ни много ни мало шесть лет. Спустя какое-то время его отец был уличен в любовных связях с другой женщиной, одной из секретарш посольства. Скандал по этому поводу поднимать не стали, а вместо этого всех выслали обратно в Союз. Спустя полгода его родители развелись. Мать стала работать преподавательницей немецкого языка в одном из московских институтов, а еще спустя год вышла замуж за одного из профессоров. Прошло еще какое-то время, и до них дошло страшное по тем временам известие: его отца, работника МИДа, объявили врагом народа и дали восемь лет лагерей.

Жизнь за границей сделала Сашу Воровского строгим и сдержанным на слова, несмотря на его детский возраст. Когда он повзрослел, этому стало способствовать его прошлое: отец – враг народа. Многие из студентов, не зная его толком, считали это надменностью – пережитком прошлого и барскими замашками. Даже как-то на одном комсомольском собрании ему поставили это в вину, заявив, что настоящий комсомолец должен быть простым и открытым в общении.

За время скитаний в прошлой жизни я стал неплохо изъясняться на английском языке, да и моя жена его отлично знала, так что разговорный язык был у меня на хорошем уровне. В этом времени, благодаря Костиным родителям, я знал немецкий и французский языки. Это был немалый плюс. Здесь знание нескольких языков уже само по себе было хорошим заработком, дававшим заработать не только на бутерброд с маслом, но и на толстый слой красной икры. Когда выяснилось, что из нашей комнаты только двое владеют иностранными языками, мы с Воровским частенько разговаривали на немецком языке, на зависть остальным студентам.

Имея приличный багаж знаний, которых мне должно было хватить на первый год обучения, я собирался все свое свободное время посвятить как общей физической, так и специальной подготовке. Основы бойцовской практики и наработки у меня были, так что дело осталось за малым – усиленно тренироваться. Другой мир, другое тело, а цель – одна. Стать сильным, выносливым и ловким. Стать снова хищником. Парк и лес, простиравшийся сразу за институтом, стали отличным полигоном для моих тренировок, а чтобы иметь партнеров по спаррингу, я стал ходить на тренировки по боксу и самбо. При этом сильно уставал, но вот только отдох-

нуть или лечь пораньше в студенческом общежитии было практически невозможно. Буквально каждый вечер шло обсуждение последних новостей, выливаясь в споры и дискуссии. Обсуждение мировых новостей, радость успехам передовиков производства и сельского хозяйства, критика и осуждение нравов капиталистического мира, яростные споры о будущем страны Советов – все это мне было абсолютно неинтересно, но при этом надо было поддерживать имидж советского студента, а значит, участвовать.

Со стороны института на меня пытались навесить общественные нагрузки, заставляли ходить на политучебу и выполнять поручения комсомольской организации. Так как они покушались на мое личное время, я всячески старался избегать подобных поручений, но при этом нередко было смешно, когда я читал очередной плакат-объявление, в этот раз зовущий на собрание в поддержку угнетенных народов Африки. Я уже был на полпути к выходу, как мне дорогу перегородила Маруся Стрекалова, краснощекая, пышная телом, секретарь нашей комсомольской организации.

– Звягинцев, ты куда направился?!

– На тренировку.

– Как ты можешь свои личные интересы противопоставлять общественным! Каждый советский студент должен осудить звериную сущность капиталистического отношения к угнетенным народам Африки! Или ты, Звягинцев, другого мнения?!

– Ты мне лучше, Маруся, скажи другое: ты хоть одного живого негра видела?

– Нет! Но это не значит, что я не должна бороться за их свободу и независимость! И скажу тебе прямо, Звягинцев, как комсомолец комсомольцу, от твоих слов пахнет гнилым индивидуализмом! Мне уже не раз докладывали, что ты нередко избегаешь общественных мероприятий и отказываешься от нагрузок! Ты комсомолец, Звягинцев, и живешь в советском обществе! Ты не можешь...

Я не стал ничего говорить, а вместо этого быстро и неожиданно протянул руку и легонько ущипнул ее за крупную грудь, которая просто распирала ее кофточку, при этом был готов отскочить, если она попытается ударить меня, но вместо этого она неожиданно ойкнула и густо покраснела. Воспользовавшись замешательством девушки, я быстро обошел ее и продолжил свой путь. После этого случая Маруся на ближайшем собрании поставила вопрос о моем махровом индивидуализме, и мне стало понятно, что от меня просто так не отцепятся, после чего я принялся изображать активную деятельность. Все это заставило меня задуматься о том, что необходимо найти более спокойное место для проживания, но самый лучший вариант: снимать комнату или квартиру, что в перенаселенной Москве обходилось очень дорого.

«Пора искать способ для получения денег, – решил я. – Причем не откладывая».

Всю первую неделю гулял по Москве. Город казался... Нет, не чужим, но очень непривычным для моего глаза. Много старых домов с обвалившейся лепкой и потрескавшимися стенами, церквушки, превращенные в мастерские; угловатые и скучные, словно по линейке выстроенные стояли современные здания. На улицах было непривычно мало транспорта, зато они были полны народа. У магазинов покупатели звенели молочными бутылками и металлическими бидончиками, из дверей вкусно пахло свежим хлебом, а витрины были заставлены пирамидами консервных банок. Странно и непривычно смотрелись деревянные кабинки телефонов-автоматов и тележки с мороженым. И опять плакаты. Они были повсюду. Нередко с ликом Сталина. Их можно было найти почти во всех витринах магазинов, причем все они были отобраны строго по тематике. На продовольственном магазине красовался плакат, на котором седоусые колхозники вручали вождю плоды своего труда, снопы пшеницы и корзины с фруктами. Промторг был украшен плакатом, где вождь ласково улыбался детям, а в витрине книжного магазина великий мыслитель склонился над столом с ручкой в руке, где фоном была обложка книги «Сталин. Марксизм и национально-колониальный вопрос. Сборник избранных

статей и речей». Разбавляла изобилие ликов всенародного вождя реклама, приглашающая есть крабов, покупать облигации государственных займов и туалетное мыло «Рекорд».

«В сберкассе денег накопила – путевку на курорт купила», – повторил я про себя слоган рекламы, висящий на стене дома, мимо которого сейчас проходил. На большом плакате была нарисована женщина с довольным лицом и со сберкнижкой в руке, а за ее спиной красовался кусок черноморского побережья.

«Насчет денег... надо серьезно подумать, – в который раз я вернулся к этому больному для меня вопросу. – То, что нам дают в студенческой столовой, едой можно назвать с большой натяжкой. Мне лично, чтобы запихнуть в себя их обед, надо три дня поголодать. Не меньше. Только как быть с деньгами?»

Планы, как добыть деньги, у меня были, причем конкретные, только вот время для осуществления моих проектов еще не настало. Дело в том, что, работая в Госархиве МВД, я иногда держал в руках уголовные дела и, естественно, время от времени заглядывал в них. Всю эту информацию, которая осталась в памяти, я около недели перекладывал на бумагу, потом долго и тщательно сортировал. Из всех этих обрывков мне удалось собрать три эпизода, которыми я мог воспользоваться, вот только первый из них станет возможным 4 декабря 1940 года, а другие и того позже. Был у меня еще один привлекательный и простой способ разжиться деньгами. Взять на гоп-стоп инкассатора.

Так как официальная идеология страны Советов гласила, что преступность порождается социальными условиями, которых при Советской власти нет, а значит, с ней вот-вот будет покончено, ни в газетах, ни в журналах, ни в книгах – нигде не упоминалось о работе милиции. Да и чего о ней писать, если в советском обществе остались только хулиганы, дебоширы и пьяницы: наверное, поэтому по городу так спокойно сновали между отделениями госбанков и предприятиями инкассаторы, имея в кобуре револьвер, а за спиной мешок денег.

«Прямо как Дед Мороз с мешком, виноват, портфелем, полным подарков, – подумал я, глядя вслед невысокому полному мужичку в очках, шляпе и револьвером на боку, который пару минут назад вышел из отделения госбанка и сейчас неторопливо шел в свою организацию с набитым деньгами портфелем. – Ладно. Это пока не критично. Есть и другие дела».

Несмотря на свое язвительное отношение к окружающей меня реальности, я уже несколько раз приходил на Красную площадь, смотрел на красный флаг, на высокие стены и окна дворца, возвышающиеся над зубчатой стеной, и думал о том, что можно сделать в этой ситуации.

«Война неизбежна, но есть время хоть частично исправить последствия ужасной катастрофы. Попробовать пробиться к Сталину?»

Эта мысль мелькала у меня не раз, но реального воплощения так и не получила по ряду причин. Из того, что мне довелось видеть и слышать в этом времени, нетрудно было сделать кое-какие выводы, проанализировав которые, можно получить возможный вариант исхода подобной встречи. Предположим, что я попаду на прием к высшему руководству и расскажу историю развития государства строителей коммунизма. Предположим, что мне поверят. Вот только какому из партийных бонз сможет понравиться этот рассказ? Тут и сейчас за менее крамольные высказывания дают десять лет лагерей, да еще без права переписки. Да что там далекое будущее?! Если им рассказать правду о войне, которая через год начнется, то меня через пять минут расстреляют, потом выкопают и снова расстреляют. Единственный шанс что-то исправить в этой ситуации – это только личный разговор со Сталиным. Только он все решал в этой стране. Если он и поверит мне, то постарается получить информацию лично для себя, чтобы в дальнейшем использовать к своей выгоде. Да и зачем великому вождю и учителю народов человек в его окружении, который знает больше него? После того как источник информации иссякнет, он станет ненужен. Это логично, а главное, правильно. Ведь если я останусь в живых, автоматически расширится круг людей, знающих о приходе из будущего, со време-

нем этот круг будет становиться все шире и шире, а значит, в народ может просочиться вредная для него информация, идущая вразрез с линией правящей партии.

Как солдат я им не нужен. Мои знания в сфере развития сельского хозяйства и экономики равны нулю. Если только конструирование оружия. Материальную часть оружия, начиная с автомата Калашникова и заканчивая известными иностранными марками, я знал досконально, как знал их сильные и слабые стороны. Тогда, возможно, на год, от силы на два, продлится мое существование.

Если реально смотреть на вещи, то я им нужен так же как зайцу знак «стоп». Нет человека – нет проблем. Сталин и его окружение уже получили и еще будут получать информацию о нападении Германии на Советский Союз. А прислушались они к ней? Нет. Вот и ответ на мой вопрос. Так что живи спокойно, советский комсомолец Костя Звягинцев, потому как совесть твоя чиста.

Только я успел так подумать, как заметил двух людей, которые целенаправленно двигались в мою сторону.

Странно. Стою, смотрю, никого не трогаю. В чем проблема?

То, что это люди из охраны Кремля, я определил еще на расстоянии. Крепкие, плечистые. От них исходил запах опасности, как от диких зверей. Уходить было нельзя. Зачем поднимать волну лишних и ненужных подозрений? Пока один подходил ко мне, второй сотрудник, сдвинувшись влево, остановился и застыл от меня в трех шагах, держа руку в оттопыренном кармане пиджака. Сотрудник госбезопасности, подойдя ко мне, спросил:

– Гуляешь, парень?

В его голосе не было ни намека на угрозу, только ленивый интерес, но так может показаться только постороннему человеку, но не мне. В глубине его глаз сидят внимательность и настороженность, которые ловят каждое мое движение, как лица, так и тела.

– Гуляю. Мне нравится по Москве ходить. К чему этот вопрос, товарищ?

– Не первый раз здесь гуляешь? – он просто отмел мой вопрос, не считая нужным отвечать на него.

– Третий, – растерянным голосом произнес я. – А в чем дело, может скажете наконец?

– Вот и мы заметили, что ты зачастил сюда. Стоишь и словно что-то высматриваешь.

– Не высматриваю, а просто смотрю. Мне нравится тут бывать.

– Нравится, – повторяет он за мной и начинает быстро и ловко похлопывать меня по бокам, затем по карманам куртки.

– Зачем вы это делаете? – воскликнул я, при этом делая наивно-растерянное лицо.

– В портфеле что?

– Учебники, конспекты...

– Студент? Документ с собой есть?

– Да. Есть, – теперь я придал себе испуганный вид. – Вот.

Он быстро пробежал глазами мой студенческий билет, потом вернул его мне. Несколько секунд мы смотрели друг на друга, пока он насмешливо не сказал:

– Чего стоишь?! Беги! Учись, студент!

– Спасибо. Я пошел.

Развернувшись, быстро зашагал. Я шел и чувствовал на своей спине взгляд кремлевского охранника.

Выйдя из института, я отправился прогуляться, так как до тренировки было больше двух часов. Чисто автоматически изучал и заносил в память карту района: улицы, проходные дворы, тупики, скверы, при этом отмечая наиболее выгодные места засад, пути отхода. Все это проходило у меня между делом, совершенно не мешая мне радоваться свежему по-осеннему ветерку и теплему солнечному дню. Идя, смотрел по сторонам, при этом внимательно огляды-

вая фигурки наиболее симпатичных девушек. Женским вопросом я тоже собирался заняться, но только в порядке очереди. Только я свернул в проулок, как меня обогнал парень в модной двухцветной спортивной куртке. Мне его доводилось видеть в институте. Он учился на нашем факультете, только в другой группе. Симпатичный, веселый парень, вечно окруженный смеющимися девушками. Скорее всего, он был москвичом, так как в общезнании я его ни разу не видел.

«Мне бы тоже такая курточка не помешала», – только я так подумал, как из полутемной арки показались представители местной прибалтийской шпаны, идущие наперерез владельцу симпатичной куртки. Судя по тому, что они шли парню наперерез, их посетила такая же мысль, как и меня. На головах у них, по последней бандитской моде, кепочки-малокозырки, на ногах – «прохоря» с голенищами гармошкой. Судя по перстню, наколотому на пальце идущего впереди босняка, тот уже отбыл один срок по малолетке. У всех троих лица слеplены словно по одному трафарету: наглые, с прищуром, глаза, в уголках губ примятые папироски, а на передних зубах поблескивают металлические фиксы.

Было около двух часов рабочего дня, поэтому народу в переулке было немного, на что, очевидно, и рассчитывали грабители. Главарь остановился перед студентом, загородив ему дорогу.

– Кореша, глянь, какой у пацана клифт богатый.

Один из его поделщиков тем временем зашел за спину жертве, а третий остался стоять за спиной главаря. Студент попытался развернуться, чтобы уйти, но был остановлен грубым тычком в спину и замер, оглядываясь по сторонам в поисках помощи. Вот только рассчитывать на нее не следовало. Солидный мужчина с портфелем, шедший впереди меня, стоило ему только увидеть эту троицу, сразу резко ускорил шаг и сейчас был далеко впереди, на выходе из переулка. Стайка студенток, под залихватский свист босняка, стоявшего за спиной главаря, еще раньше перебежала на другую сторону дороги и быстро, не оглядываясь, зашагала прочь. Только старик в старомодном пенсне продолжал медленно идти по другой стороне, опираясь на палку, и, похоже, ничего не замечал вокруг. Получалось, что один я неправильно отреагировал на сложившуюся обстановку, продолжая идти, но при этом старался выглядеть как можно более безобидно, вжимая голову в плечи и смотря в землю. Судя по их ухмылкам и пренебрежительным взглядам, роль труса мне вполне удалась.

«Хорошо. Неожиданность присутствует, вот только против троих не потяну. Значит, надо их выбивать по одному. К тому же у главаря нож». Нож появился несколько секунд назад, так как жертва категорически отказывалась отдавать куртку, и теперь главарь, угрожая им, пытался затащить парня в темень арки. Я услышал, как он в притворной ярости, чтобы окончательно запугать жертву, угрожающе зашипел:

– Ты че, сучонок? Враз попишу! Рука не дрогнет!

В тот момент, когда я проходил мимо них, грабитель, стоящий за спиной главаря, решил, что пора как-то проявить себя, и шагнул мне навстречу:

– Ты, шкет дохлый! Чего здесь шляешься?! Ну-ка живо чеши отсюда!

При этом он замахнулся, ожидая, что я сейчас втяну голову в плечи и рысью помчусь от них подальше, но вместо этого носок моего ботинка впечатался ему между ног. Только он открыл рот, чтобы закричать, как получил широко открытой ладонью сильный удар в лоб и покатился по мостовой. Главарь, до этого не обращавший на меня внимания, резко развернулся в мою сторону, но больше ничего не успел сделать – мой локоть вошел в соприкосновение с его челюстью. Я еще успел услышать хруст сломанной кости, как его сразу перекрыл вопль боли босняка, который сейчас лежал на земле, скорчившись и держась за причинное место. Своим криком он словно привел в чувство третьего налетчика, который до этого ошеломленно замер, широко открыв глаза от удивления, но только я успел шагнуть в его сторону, как он кинулся бежать. Я быстро посмотрел по сторонам. Никого не было, только старик стоял на

противоположной стороне и подслеповато шурил глаза на лежащие тела. Вслед за ним я тоже обожегал их взглядом. Главарь, хорошо приложившись затылком о брусчатку, лежал, потеряв сознание. Второй грабитель тихо выл, глядя на меня испуганными глазами.

Я нагнулся и подобрал нож, выпавший из руки главаря. Быстро оглядел. Ничего особенного, но в хозяйстве может пригодиться. Сунул его в сумку, а затем повернулся к студенту, все еще стоявшему на том же месте и ошеломленно глядящему то на меня, то на своих грабителей.

– Чего зенки пialiшь? Пошли отсюда быстрее!

Тот, еще только приходя в себя, несколько раз автоматически кивнул головой, затем осторожно обошел лежащее на земле тело главаря и поспешил вслед за мной. Идя, я начал мысленно анализировать схватку, заодно ставя оценки своей подготовке. К этой драке меня подтолкнули не благородные побуждения, а желание изучить в действии реальные возможности своего тела. Переулок тихий, народу практически нет, да и противники были равны мне по силе – ну как тут не соблазниться такой возможностью.

Не успели мы свернуть за ближайший угол здания, как парень вдруг сбивчиво заговорил:

– Слушай, а я тебя знаю! Видел в нашем институте. Все произошло так неожиданно... Ты здорово дерешься! Бац, бац – и готово! Я никогда...

– Скажи мне спасибо. И будь здоров.

– Да погоди ты! Я ведь тебя даже толком не поблагодарил!

– Тогда быстрее благодари и разбежались.

– Послушай! Так будет не правильно. Не по-человечески. Давай хотя бы познакомимся. Меня зовут Костя, – и протянул мне руку.

Я усмехнулся и пожал руку.

– Здорово, тезка.

Теперь пришла его очередь улыбаться.

– Предлагаю отметить наше знакомство. Ты как?

– Нет. Мне сегодня идти на тренировку.

– Так ты боксом занимаешься?!

– Вроде того.

– Жаль, – он на несколько секунд задумался, потом его лицо просветлело, и он почти выпалил: – Слушай, а приходи к нам сегодня вечером домой!

– Зачем?

– Чаю попьем, – и тезка хитро, словно с намеком, усмехнулся, – с бутербродами.

Есть мне хотелось постоянно и желательно вкусно, а так как в институтской столовке кормили скудно и по большей части невкусно, аргумент показался достаточно веским, чтобы сходить в гости.

– С бутербродами, говоришь? Уговорил! Давай адрес.

Как оказалось, жил он недалеко отсюда, в трех трамвайных остановках от института, в старом доме еще царской постройки. Жил тезка хорошо, даже, можно сказать, богато, если исходить из того факта, что у его отца была трехкомнатная квартира, и это в Москве, где более семидесяти процентов населения ютились в коммунальных квартирах, в которых проживало от трех до семи семей.

В прихожей висело на стене длинное зеркало в ореховой раме. В углу стояла вешалка, опирающаяся на три массивные ноги. Переступив порог, я вошел в гостиную и сразу обратил внимание на большой, солидный, темно-вишневого оттенка, с красивыми резными цветочками на дверцах буфет. В центре комнаты стоял стол, накрытый плюшевой скатертью темно-вишневого цвета с бахромой. Обивка четырех стульев полностью соответствовала цвету скатерти. Над столом свисала с потолка лампа в оранжевом матерчатом абажуре и такой же бахромой. В одном углу на широкой тумбе стоял громоздкий и квадратный по форме радиоприемник, подмигивающий зеленым глазком, в другом – патефон с набором пластинок. Стандартная

обстановка зажиточной семьи, если не считать хозяйки квартиры. У нее, совершенно точно, была нестандартная, яркая и живая внешность. В лице и фигуре, если брать по отдельности, нетрудно было заметить некоторые излишества, но все вместе это смотрелось настолько привлекательно и соблазнительно, что я внутренне облизнулся. И так несколько раз. Большие пухлые губы. Огромные черные глаза. Тугие покатые бедра. Целую минуту я пытался понять, кто она и что здесь делает. Что это была не сестра Костика, это и ежу ясно. Хотя по годам красавица недалеко от него ушла.

– Что? Гадаешь? – усмехнулся Костя, который, видно, каким-то образом сумел прочитать мои мысли.

Не успел я ничего сказать, как это небесное создание подошло ко мне и томно протянуло свою нежную ладошку.

– Олечка.

Она так странно отрекомендовалась, что я на пару секунд растерялся.

– Звягинцев. Костя.

Потом, неожиданно для себя, взял ее ручку и, чуть склонившись, поднес к губам. Поцеловал. Отпустил ее руку и, глядя ей прямо в глаза, сказал:

– Вы очень вкусно пахнете, Олечка.

Та усмехнулась:

– Интересный комплимент. Ребята, вы пока поговорите без меня, а я схожу на кухню. Надо же проявить себя хоть немного хозяйкой.

Не успела она уйти, как я сразу уставился на тезку вопросительным взглядом. Костя весело улыбнулся и негромко сказал:

– Посмотрел бы ты на себя со стороны. Впрочем, почти все так реагируют на Олечкины прелести. Стоят столбом и жадно пожирают ее глазами.

– Это твоя...

– Не моя, а моего папаши. Его жена. Почти пять месяцев. Все понятно?

– Гм. Понятно. А ты как?

– Нормально, – пожал плечами тезка. – Я...

В эту минуту в комнату вплыла с тарелкой бутербродов Олечка.

– Ну что, мальчики, успели обсудить меня? Или вам дать еще время?

Ее улыбка была мягкая, нежная и какая-то трогательная. Я невольно почувствовал, что начал таять под ее обволакивающим взглядом. Потом мы пили вино, ели бутерброды, слушали музыку и весело болтали. Олечка умела слушать, непринужденно говорить на различные темы, весело и заразительно смеяться. Через пару часов я стал прощаться, так и не дождавшись отца Костика. Тезка неожиданно вызвался проводить меня до остановки.

– Как тебе супруга моего папаши? – спросил он меня, стоило нам выйти из подъезда.

Костик не умел пить и сейчас выглядел охмелевшим. Это чувствовалось по не совсем твердому шагу и такой же речи.

– Студентка, комсомолка, спортсменка, наконец, она просто красавица! – ответил я ему фразой из фильма, который выпустят еще лет через тридцать.

– Почему спортсменка?

– Просто так сказал. Не обращай внимания.

– Насчет студентки ты угадал, – сообщил он.

– А твоя мать где?

– Ушла от отца шесть лет назад. Надоели ей любовницы моего папаши. Я сначала с ней жил, но потом она вышла замуж и... уехала в другой город. Пришлось переехать к отцу. Полтора года прожили вместе, а потом появилась она. Окрутила его настолько быстро, что он, наверное, это понял, когда они зарегистрировались.

Как я узнал позже, его мать действительно вышла замуж за директора какой-то базы, но прожили они вместе недолго. Спустя год или полтора ее мужа обвинили в воровстве и дали четыре года с конфискацией всего имущества, и как следствие, у них появились трудности, как с жильем, так и с деньгами, после чего мать отправила Костика к отцу.

– Сколько ей лет?

– Месяц тому назад двадцать два исполнилось, а папаше моему вот-вот сорок пять стукнет. – Какое-то время он молчал, потом снова заговорил: – Умеет она себя подать. Да?

– Нелегко тебе приходится, Костик, – усмехнулся я. – Никак к ней не подступиться? А ведь пробовал! Да?

– В точку, – пьяно усмехнулся тезка. – Все сразу понял.

– Кстати, а кто у тебя отец?

– Профессор в Московском педагогическом институте. Занимается научной подготовкой аспирантов на кафедре марксизма-ленинизма. Куча печатных работ. Окончил в свое время Институт красной профессуры.

Неожиданно он остановился.

– Знаешь, наверное, я домой пойду. Не обижаешься?

– Нет. Пока.

Свежий, но не холодный ветерок приятно обдувал лицо. Вино слегка шумело в голове, давая некоторую воздушность мыслям, поэтому, секунду подумав, я решил продлить свое умиротворенное состояние и пройти пешком. Одну остановку. Правда, не вдоль извилистого трамвайного пути, а надумал срезать угол и идти напрямик. Сначала улица шла между двух-этажными бараками, которых полно на окраине города. В окнах горел свет. Через открытые форточки были слышны голоса, смех, музыка вперемешку с шипением патефонных пластинок. Где-то в глубине дворов раздавалось шальное, залихватское пение под гармошку. С другой стороны улицы, из-за домов, послышался дребезжащий электрический звонок трамвая, идущего по маршруту. Скоро дома закончились, и показались развалины какого-то заводика или цеха. Проходя по пустырю, среди россыпей битого кирпича и обугленных бревен я пошел осторожно, напряженно вглядываясь под ноги. Того и гляди ногу подвернешь! Городской гул как-то сам собой отдалился, стал тихим и невнятным – наверное, поэтому я услышал тихий плач.

«То ли женщина, то ли ребенок», – определил я и направился в сторону звуков.

Как ни старался осторожно идти, все равно нашумел. Выйдя из-за частично развалившейся стены, я обнаружил маленький костер и что-то типа лежанки, собранной из двух обломков досок, на которых лежало какое-то тряпье. Огляделся, но никого не заметил, зато сразу почувствовал, что за мной наблюдают.

– Выходи. Не бойся. Ничего тебе не сделаю.

В ответ тишина. Тут я вспомнил, что перед моим уходом хозяйка дома, Оленька, сунула мне в портфель бутерброды. Сел на доски, открыл портфель и достал сверток. Развернул. Понюхал, после чего изобразил блаженную улыбку и сказал:

– Ох, и вкусно пахнет! – Выждал минуту и снова сказал: – Если есть будешь – поделюсь.

За обломком кирпичной кладки кто-то зашевелился, потом поднялась маленькая фигурка, но подойти так и не решилась.

– Как хочешь. Уйду, голодным останешься.

Фигурка сделала несколько шагов, потом еще несколько. Теперь я разглядел хозяина ночлега. Это был мальчишка лет девяти-десяти. Под его левым глазом лиловел синяк.

– Ничего я тебе не сделаю, – я протянул ему бутерброд. – Бери.

Он сделал шаг вперед, выхватил у меня из руки бутерброд и сразу отскочил назад, после чего впился в него зубами и стал быстро жевать, не отрывая от меня взгляда. Я подложил немного обломков досок в огонь, после чего спросил:

– Вкусно?

Парнишка согласно закивал головой.

– На! Держи еще. И садись к огню.

Паренек взял второй бутерброд, сел и сразу принялся за еду. Прожевав последний кусок, усталился на мой портфель. Я усмехнулся.

– Извини, парень. Больше у меня нет. Давай знакомиться. Меня Костей зовут. А тебя?

– Миха.

– Михаил, значит?

Он опять закивал головой. Я уже оглядел его и составил о нем свое мнение. Он был не беспризорником, так как, несмотря на дешевизну и грязь, одежды были явно не на помойке подобраны. Да и по размеру подходили. Очень бедная семья или... детдом. Если бы семья, то он бы здесь не ночевал.

– Сбежал из детдома?

Он приподнялся, хотел вскочить, но так как я остался неподвижен, сел обратно.

– Ну, сбежал.

– Я сам когда-то жил в детдоме. Было и плохое, и хорошее. Ничего, вырос, человеком стал, – сказав это, сразу понял, что не то сказал. Это подросток может что-то понять, а но передо мной еще совсем малыш. По моим меркам.

– Тебе за что глаз подбили? Крысятничал?

– Я? Да никогда в жизни! Ни крошки ни у кого не взял! Зуб даю! – он прямо вскинулся, глаза заблестели.

– Верю. Верю. Так за что фингал получил? – спросил я его, но сразу добавил: – Не хочешь – не говори.

– Нас с Тимой, Серегу и еще других ребят Змей с парнями заставлял просить у прохожих деньги.

– Это взрослые парни?

– Старший отряд. В следующем году в фабрично-заводское училище будут поступать.

– Ты отказался, и они, чтобы запугать остальных, тебя избили. Так?

– Сказали, что каждый день бить будут, если не соглашусь просить.

Я задумался. Пойти и набить морды? В этом я не видел проблемы, но парнишке за мое заступничество потом прилетит еще больше. Вот если как брат...

– У тебя есть кто-то из родных?

– Мама.

– погоди! А чего ты тогда в детдоме?

У мальчишки сначала заблестели глаза, потом он захлопал носом. Я дипломатично молчал, зная по себе, что в его годы мальчишки считали позором «распускать нюни», особенно перед чужими людьми. Немного успокоившись, сдавленным голосом тот все же объяснил ситуацию. Оказалось, что его мать вышла замуж во второй раз и уехала строить новую жизнь, где-то на Урале. Обещала, как только устроится на новом месте, то обязательно заберет своего любимого сына к себе. Прошел уже год. Из родственников в Москве была тетя Зина, старшая сестра его матери. Она его навещала раз в месяц, приносила гостинцы.

– У нее дети есть?

– Два сына. Костя и Сергей. Еще Катя. Она тоже большая.

– Ее сыновья приходили к тебе?

– Нет. Зачем? Они же взрослые.

– Знаешь, где живет тетя Зина?

– Нет. Ни разу у них дома не был.

– Нет так нет. Завтра я тебя отведу в детдом и представлюсь твоим двоюродным братом. После чего поговорю со Змеем.

Мальчишка закрутил головой.

– Не. Так еще хуже. Ты, дядя, потом уйдешь, а меня...

Вешать на себя мне эту историю не хотелось, но любое дело надо доводить до конца. Это было одно из моих немногих жизненных правил, которые я никогда не нарушал.

– Навешать буду. Обещаю. – Я немного подумал и добавил: – Раз в неделю – точно.

Мишка повеселел, потом немного подумал и согласился. Забрал мальчишку, и мы поехали в общежитие. Увидев паренька, студенты засыпали меня и его вопросами. Узнав его грустную историю, собрались завтра всей комнатой идти бить морду Змею и его друзьям. Я успокоил их, сказав, что сам все решу. Поэтому утром, вместо лекций, поехал с парнишкой в детдом. Там меня радостно встретили, поблагодарили за найденного воспитанника, после чего я отправился искать Змея. Нашел во дворе, в компании еще двух парней. Культурно представился, после чего пояснил, что мне от него надо, а в ответ меня обозвали разными непечатными словами, но так как о педагогике я не имел ни малейшего понятия, то просто сломал Змею руку. Спустя минуту то же самое проделал с другим шустрым мальчиком, приятелем Змея, который попытался ударить меня самодельным кастетом. Третий малолетний хулиган решил не испытывать судьбу и сбежал с поля боя. Кастет я забрал. На всякий случай.

Пришел через три дня. Мишка обрадовался мне, как родному.

– Как Змей? Угрожал?

– Нет. Только от него приходили. Сказали, что со мной разберутся.

– Хорошо. Придется снова поговорить.

Снова нашел Змея и пообещал сломать ему ногу и затем все остальные конечности по очереди, если у него и дальше будут претензии к Мишке. Судя по его испуганному виду, он воспринял мои слова серьезно, при этом клятвенно пообещал, что ничего подобного больше не будет.

– Остальных это тоже касается, – с этими словами я пробежал глазами по лицам стоящих рядом со Змеем парней.

Те, старательно избегая моего взгляда, только кивали головами в знак согласия.

Глава 3

Жизнь шла своим чередом. Ходил на лекции. Тренировался. Вот только возможностей заработать деньги, кроме как на разгрузке вагонов, не подворачивалось. Как ни странно, помог мне в этом деле, сам того не желая, Мишка.

Воспитанников младших отрядов из детдома отпускали только в том случае, когда за ними приходили родственники, но у Мишки был лучший друг, Тима-Тимофей, которого раз в две недели забирала бабушка. Вместе с ним она иногда забирала и Мишку.

Когда я пришел в очередной раз навестить паренька, то вдруг узнал, что тот лежит в медпункте детдома. Быстро сделав выводы, я уже начал искать Змея, как увидел, что навстречу мне летит Тима, лучший приятель Миши. Мы с ним были хорошо знакомы, да и историю со Змеем он хорошо знал.

- Дядя Костя! Дядя Костя! Мне с вами поговорить надо!
- погоди! Сначала я кое с кем поговорю, а уже...
- Да не он это, дядя Костя! Не Змей!
- А кто тогда?

Мальчишка хоть сбивчиво, но вполне понятно разъяснил, что случилось на самом деле. Оказалось, что в прошлое воскресенье они с Мишкой гостили у его бабушки Авдотьи. Придя, неожиданно увидели во дворе ее дома молодого мужчину, мывшегося во дворе над тазом. Середина октября месяца, а он моется и довольно улыбается. Увидев мальчишек, подмигнул и насмешливо спросил:

- Чего уставились, парни?
- Не холодно вам? – спросил его Мишка.
- Нет. Отец с детства приучил. В гости к бабушке?
- Ага, – оба закивали головами.
- Это хорошо, что я еще не ушел.

Он вылил воду, потом насухо вытерся и ушел в дом. Бабка, до этого молча стоявшая, неожиданно сказала:

- Это мой новый постоялец, малыцы, а теперь идите в дом. Кормить вас буду.

Мальчишки, гадая, что могут значить слова мужчины, пошли вслед за бабушкой Авдотьей. Только успели раздеться, как квартирант, уже одетый, вышел из своей комнаты. В одной руке он держал чемоданчик, а в другой – бумажный кулек.

- Это вам, пацаны.

В кульке были леденцы, которые парнишки тут же по-братски разделили. После обеда они отправились гулять и, как обычно, зашли на маленький рынок, где продавалась всякая всячина. Походили какое-то время, а затем остановились около женщины, которая продавала фарфоровых собачек. Мишке они так сильно нравились, что он никак не мог от них оторваться, а Тимофей, стоя рядом с приятелем, крутил головой и вдруг неожиданно заметил бабкиного постояльца. Тот остановился, поставил чемоданчик на землю и о чем-то начал оживленно разговаривать с мужчиной, который чем-то торговал. Вдруг Тимка увидел, как торговец откуда-то из-под прилавка достал такой же чемоданчик, что был у квартиранта, и стал его расхваливать. Дескать, купи, не пожалеешь! Тот достал деньги, протянул продавцу и забрал чемоданчик, а тот, что принес с собой, так и остался у продавца. Тимофей попытался объяснить Мишке, что случилось, но пока до того дошло, постоялец уже ушел с рынка. Они несколько раз прошли мимо продавца, но чемоданчика так и не увидели. Решили, что тот его спрятал. После чего еще немного погуляли и уже собирались идти домой, как по дороге встретили Степку, приятеля Тимофея, жившего через дом от его бабушки. Разговорились, затем стали играть в ножики. В

это время на улице появился квартирант. Проходя мимо, он улыбнулся, кивнул головой ребятам и пошел дальше. Чемоданчика в его руках не было.

– Я его у чертовых развалин вчера видел, – вдруг неожиданно сказал приятель Тимофей.

– Чертовых? Это где? – спросил Мишка.

– Да есть тут такие, – ответил ему Тимофей. – Дом большой каменный стоял, а потом взял и сгорел. Бабушка говорит, что хозяин дома был очень богатый, но богатство получил от черта, а когда тот пришел за ним, тот не захотел идти. Черт тогда разозлился и сжег его вместе с домом.

– Люди туда не ходят. Боятся, – подтвердил эти слова его приятель. – Говорят, что там иногда по ночам огоньки горят. Мать говорит, что это души незахороненных мертвецов.

– Далеко... развалины? – заинтересовался Мишка. – Сейчас светло. Давайте сходим, посмотрим!

– Не, не пойду, – сразу отказался Степка. – Мать узнала, что я вчера туда ходил, уши надрала.

– Если только посмотреть, – нехотя согласился с другом Тимофей.

Развалины подтвердили свое название. Мишка хотел забраться на стену, чтобы рассмотреть все сверху, но, забравшись до половины, сорвался. Просто чудо, что ничего себе не сломал, но сильно расшибся.

– Значит, живой?

– Живой, дядя Костя. Наш врач сказал, что через пару дней его выпишет.

– Веди, посмотрим на больного.

Посидел у его кровати, передал друзьям два небольших кулька. Один с повидлом, другой с конфетами-подушечками. Немного поговорили, и я ушел. Идя в общежитие, стал в уме прокручивать рассказы мальчишек.

«Прямо шпионская история. Если все так, то это работа для госбезопасности, а не для меня. Им за это деньги платят. Гм. Деньги... Интересный момент. Насколько я могу судить, то заброшенных агентов всегда снабжали большими суммами денег. То, что мне и нужно. Теперь надо продумать, как к нему половчее подобраться. Опыта подобной слежки у меня нет, и если он профи, то вычислит меня на раз. К тому же частный сектор, где все друг друга знают, и я буду здесь, как на ладони. К тому же в лицо его не знаю. М-м-м... Если только пойти в этом деле... не от шпиона, а от его чемоданчика. Ведь судя по словам мальчишек, можно предположить, что чемоданчик спрятан где-то в развалинах. Шпион сначала их осмотрел, нашел место для тайника, а на следующий день принес и спрятал чемоданчик там. Вот только будут ли там деньги? Найду, а там вместо денег динамит или радиостанция. Хотя нет, радиостанции сейчас большие, а чемоданчик, по словам ребят, небольшой. Может, оружие? Тоже неплохо. А что дальше? М-м-м... Шпиона – в расход, а остальное меня не волнует. Решено. Начинаем с чемоданчика».

На следующий день я отправился на рекогносцировку местности. Обойдя жилые дома стороной, осторожно подобрался к развалинам. Несколько минут понаблюдал за местом и решил, что это пепелище когда-то было усадьбой, окруженной парком. Дом сгорел и развалился, а парк со временем зарос, превратившись в лес. Осмотрев развалины более внимательно, решил, что лучшее место для тайника – это чудом сохранившийся кусок второго этажа в левом углу здания, ближе всего расположенного к деревьям. Вот только как на него забраться? С моего места забраться на него было нереально, поэтому решил сменить пункт наблюдения. Обойдя по широкой дуге, зашел с другой стороны и, став за деревом, стал наблюдать уже со стороны парка.

«Забраться можно. Вот только какой смысл в таком тайнике? Быстро не достанешь. Если только положить на длительное хранение? Хм. А почему я решил, что чемоданчик там? Может,

он его здесь, в лесу, закопал или в россыпи кирпичей запрятал. Хотя... может, подвал тут есть?»

Разгоряченный подобными мыслями, я невольно поддался авантюрному желанию найти чемоданчик прямо сейчас, хотя для первого раза планировал просто осмотреться на местности.

Подобравшись к развалинам, замер на какое-то время и стал прислушиваться. Окружающая тишина успокоила меня, после чего я стал взбираться по стене. Один раз нога сорвалась, и я с трудом удержался на стене, повиснув на руках.

Добравшись до площадки, я был мокрый от пота, хоть выжимай. Но интуиция не подвела. Чемоданчик оказался здесь, как я и предположил. Внимательно осмотрел его на предмет возможной ловушки, после чего взялся его открывать. Замки щелкнули. Откинул крышку, и мое лицо расплылось в довольной улыбке. Мечта сбылась! Оружие, деньги, документы, карты, как чистые, так и с пометками. На самом дне, в углу, лежал продолговатый бумажный сверток. Осторожно его развернул. Золотые царские десятки. Пересчитал: семнадцать штук. Вот это улов! Взялся за деньги. Четыре пачки номиналом пять рублей и две пачки номиналом три рубля. Пересчитал и принялся изучать оружие. Пистолет с глушителем немецкого производства. Несколько пачек патронов. Стоило мне взять в руку рубчатую рукоять, как у меня словно кровь по венам быстрее побежала. Усмехнулся про себя.

«Черного кобеля не отмоешь добела».

Последними я осмотрел две запечатанные пачки папирос «Беломорканал».

«Яд или наркотик. Все в цвет, только монеты никак не вписываются в набор шпиона. Нет, это хорошо, что я сюда зашел».

Искать новый тайник долго не стал. Нашел раскидистое дерево в гуще парка, забрался на него и повесил чемоданчик на одном из верхних сучков. Спустился. Посмотрел. Скрытый за только начавшей желтеть листвой, чемоданчик был незаметен. В кармане лежала пачка пятирублевых, грея душу. Шел через рынок. Сначала приценился к сапогам. У следующего торговца спросил цену на табак-самосад. Немецкий агент стоял на своем месте, торгуя овощами. Картошка, капуста, свекла. Посмотрел на его руки. Пальцы грубые, крестьянские. С заусеницами и черными ободками грязи на ногтях.

«Крестьянин. Причем овощи явно с его огорода. Значит, местный, – тут у меня возникла новая мысль. – Смотрится как настоящий колхозник. Неужели так в образ вошел? Как-то не так я представлял себе шпионов. А так мужик сам по себе крепкий. В лоб даст, мало не покажется».

С этими мыслями я прошел мимо него и направился к выходу из рынка.

Спустя день я снова приехал, но уже под сумерки. Рынок сворачивался. Покупателей не было. Торговцы складывали свои товары и поодиночке разбредались в разные стороны. Дождался, когда шпион выкатит свою тележку с нагруженными на нее мешками, и последовал за ним. Спустя пятнадцать минут мне стало известно, где он живет. Собаки не было, но тут было все понятно. Зачем ему пес, который своим лаем перебудит всех соседей, когда к нему наведается ночной гость. Выждал еще какое-то время, потом зашел к дому сзади. Забор был ветхий, того и гляди, что рухнет подо мной. Но обошлось без шума. Осторожно подкрался к светящемуся окну и заглянул в щелку между занавесками. Хозяин закусывал. На столе была миска, из которой тот пальцами доставал капусту и кидал ее в рот. Рядом стояла открытая банка тушенки и лежал нарезанный ломтями хлеб. Довершала этот натюрморт бутылка водки со стаканом. Шпион прекратил жевать, налил полстакана водки и махом влил в себя, после чего взял ломоть хлеба с намазанной на него тушенкой и стал жадно, откусывая большими кусками, пожирать бутерброд. Я проглотил накопившую слюну и продолжил наблюдение. Торговец, пока я за ним наблюдал, словно замороженный, смотрел в одну точку. Лицо не выражало ни одной мысли, а взгляд был словно стеклянный. Судя по тому, что я сейчас наблюдал, он никак не тянул на резидента шпионской сети.

«Нет не он. Даже на полноценного шпиона не тянет. Скорее всего, это мальчик на посылах у немецких агентов».

Наблюдал за ним, до тех пор, пока хозяин дома не допил бутылку и не встал из-за стола. Вскоре погас свет. Вернувшись тем же путем, я пошел к трамвайной остановке. Несмотря на то, что промерз, что ехать мне, по меньшей мере, час, а там еще идти пешком, настроение было бодрим. Спокойная жизнь – это, конечно, хорошо, но когда начинает кипеть адреналин и кровь быстрее бежит по жилам, мне нравилось больше. Несмотря на то, что трамвай дрожал, дребезжал и звенел, сев, я полностью ушел в обдумывание плана. Решать все надо было быстро, пока они не хватились чемоданчика. Тогда их ищи-свищи.

«Отловить агента-квартиранта и провести допрос или понаблюдать за торговцем?»

Прикидывал, пытался анализировать, но ни к какому решению так и не пришел. Устал, да и мало было исходных данных.

Утром сходил на лекции, потом забежал на фабрику-кухню пообедать, просидел несколько часов в библиотеке и снова отправился ловить шпионов. Потратил почти два часа, наблюдая издали за торговцем. Никто из подозрительных типов к нему так и не подошел. Проводил его домой, затем подобрался прежним путем к окну и стал снова наблюдать, как тот пьет и закусывает.

«Алкаш поганый. Ублюдок хренов, – ругал я его всяческими словами, сглатывая очередной раз слюну. – Чего я здесь забыл? Лучше бы на тренировку поехал, вместо того чтобы здесь...»

Додумать мне не дало рычание двигателя грузовика. Я прислушался. Машина ехала сюда. Как только грузовик, последний раз рыкнув двигателем, затормозил напротив дома торговца, хозяин сразу сорвался с места и бросился в глубь дома, к входной двери. Стараясь как можно тише ступать, я обогнул дом и услышал, как закрипела дверь, затем затопали его тяжелые сапоги по лестнице. Осторожно выглянул из-за угла дома, но, к своему сожалению, смог только рассмотреть темные фигуры у забора. Перебросившись несколькими словами, они втроем пошли к машине. Сгрузив с кузова ящик и два мешка, потащили их в дом. Им явно было тяжело. Это было видно по согнувшимся фигурам и кряхтению, когда они взбирались по отчаянно скрипевшим ступеням.

«Вот агенты обнаглели. На машине приехали. Динамит мешками носят. Ни бога, ни госбезопасности не боятся», – но с минуту подумав, решил, что у них наверняка есть какое-нибудь официальное прикрытие. Например, приехали представители какого-нибудь торгового закупа овощей.

Я угадал. Спустя какое-то время гости вышли с двумя мешками, которые были небрежно закинuty в кузов. Шофер остался у машины, а второй гость вернулся в дом. Я вернулся на место наблюдения, но что они делают, подсмотреть не удалось, так как занавески были плотно задернуты. Что делать? Не успел я задаться этим вопросом, как из-за дома послышались шаги. Заметили? Можно было махнуть через забор, но без шума это быстро не сделаешь. Присел, прижавшись спиной к стене дома. Рука сама собой выхватила нож. Фигура вышла из-за угла и, вместо того чтобы шарить по двору, целенаправленно двинулась в дальний угол. Только спустя несколько секунд я сообразил, что шофер шел к деревянному туалету, стоящему в дальнем углу двора. Скользнул в противоположный угол двора и затаился. Спустя какое-то время двигатель взревел и машина уехала.

Несколько минут я обдумывал ситуацию, а потом решил, что такого момента мне может больше не представиться. Они привезли много всего, а значит, есть вероятность того, что в этих мешках могут оказаться денежные знаки, причем в большом количестве. Теперь осталось решить, как взять хозяина дома без шума. Судя по его крепкому сложению и толстым запястьям, он обладает немалой силой, поэтому в прямой контакт вступать с ним рискованно, а ударить со спины самое то! Достал из кармана кастет, который отобрал у хулигана из детдома.

Место для засады определил быстро – сзади дворового туалета. Настроился на долгое ожидание, но просидел относительно недолго. Не больше часа. Сначала услышал, как заскрипела входная дверь, потом ступени крыльца, потом раздались приближающиеся тяжелые шаги.

Скрип закрываемой двери туалета дал мне возможность неслышно оказаться за спиной торговца, когда он разворачивался, чтобы вернуться в дом. Рука с кастетом резко взметнулась вверх и почти в то же самое мгновение рухнула вниз. Шпион упал как подкошенный.

Пока я его тащил по двору, а затем в дом, то проклял все на свете. Закрыв дверь, после чего нашел веревку и связал хозяина дома. Быстро осмотрелся. По внешнему виду это было словно не жилое помещение, а временное убежище. Везде грязь, с потолка свисает паутина. Рядом со столом стояло с десяток пустых водочных бутылок. Прошелся по дому. Скоро нашел люк, ведущий в погреб. Откинул его. Пахло плесенью и холодом. Снова прислушался. Тишина. Бросил быстрый взгляд на хозяина квартиры и успел заметить, как у него дрогнули веки. Очнулся, голубчик. Подошел к нему.

– Очухался. Это хорошо. Значит, поговорим.

Подтащил стул. Сел.

– Глаза открывай. Говорить будем, – несколько секунд подождал, потом резко пнул его ногой в бок. Раз. Второй.

Тот выдержал минуту, затем открыл глаза и заерзал по полу, пытаясь освободиться.

– Ты кто?

– Конь в пальто! И запомни. Вопросы здесь задаю я! Ты только отвечаешь! Понял?

– Да.

Кричать и звать на помощь он не стал, но честно говорить отказался, врал и изворачивался, поэтому, чтобы не тратить время, мне пришлось вспомнить кое-какие методы, широко практикуемые при допросах в полевых условиях. Осознав свою ошибку, хозяин дома сразу стал отвечать быстро и без запинок.

Назвался Мефодием Архиповым, но было ли это его настоящее имя, меня абсолютно не волновало. Бывший кулак, который отсидел свои пять лет. Когда возвращался после отсидки, то случайно познакомился с человеком, который предложил ему помощь, но не безвозмездно. Бывший кулак, злой на Советскую власть, не раздумывая, дал согласие, а спустя какое-то время получил новые документы, прописку в Москве и деньги на покупку дома. Это было почти два года тому назад. Долгое время к нему никто не приходил, и он почти успокоился, вот только зря. Три месяца тому назад к нему пришел человек и назвал пароль. С этого дня его дом стал шпионской явкой. Передает, что ему поручено, держит у себя различные грузы, иногда у него день-два живут незнакомцы.

Он чуть ли не со слезами на глазах рассказывал мне, как ему страшно, и сообщил, что даже решился сбежать куда глаза глядят, но от страха перед своими хозяевами не решился этого сделать. Да и вообще, он хороший и пушистый, как маленький беленький кролик, вот только если судить по тем яростным огонькам, которые горели у него в самой глубине глаз, было видно, что стоит развязать ему руки, как он тут же попытается меня убить.

– Сочувствую. Так что тебе на этот раз привезли?

– Не знаю. Ей-богу не знаю.

– Я не гордый. Сам посмотрю.

Спустился в подвал. Нашел в углу мешки и ящик. Раскрыл первый мешок, потом второй. Вскрыл ящик.

«Что мы имеем? Рация. Несколько комплектов батарей. Три офицерские формы. Одна железнодорожника. Документы. Бланки. Динамит. Капсюли. Оружие. Боеприпасы. Ракетницы. Два финских ножа. Добра много, а толку мало. Где деньги, мать вашу?»

Прихватив пистолет, несколько коробок патронов и ножи, я, сильно разочарованный, вылез из подпола. Теперь оставалась только надежда, что удастся что-нибудь вытрясти у хозяина дома.

– Где деньги храните? Только не говори, что в сберегательной кассе.

Тот, уже придя в себя, нагло рассмеялся:

– А если и так?

– Зря ты это... – сказал я укоризненно, затыкая ему рот. – Я же по-хорошему хотел.

Спустя десять минут его тело непроизвольно затряслось мелкой дрожью, а в широко открытых от боли глазах застыл ужас. Я заинтересовался:

– Еще?

Он закрутил головой. Я вытащил кляп. Чередую стоны и слова, он выложил мне, где хранит свои личные сокровища.

– Речь не в этом! Меня интересует место, где ваш главный хранит деньги. Адрес. Понял? Если прямо сейчас не скажешь, возьмусь за тебя по-настоящему.

При моей угрозе его лицо прямо посерело от страха.

– Не знаю! Христом Богом клянусь, не знаю! Человек время от времени приходит, передает для меня деньги и «посылки», как он их называет. Чемоданчик-посылку я должен передать человеку, назвавшему пароль. Это все, что знаю! Поверьте мне! Чем хотите поклянусь!

Я задумался. В его словах была логика. Деньги, как основной инструмент управления, действительно должны быть только у резидента.

– А кто ваш главный?

– Не знаю. Истинный крест, не знаю!

– Знаешь, я тебе начинаю верить.

Найдя его тайник, выудил оттуда четыре пачки пятирублевых и около десятка царских золотых монет. Вернувшись к пленнику, спросил:

– Золото откуда?

Что-то мелькнуло в его глазах, но после моего покачивания головой, означающего, что если соврет, только хуже будет, он быстро ответил:

– Мне месяца два тому назад приказали найти человека, через которого можно будет доставать золото и драгоценности. У Соньки Завирухиной, из шестого дома, есть брат. У него есть двое сыновей. Один из них работает в комиссионном магазине. Она сама хвасталась своим племянником. Тот, говорила, живет, словно сыр в масле катается. Про золото она, конечно, не говорила, но догадаться можно было. Идти мне к нему было не с руки, поэтому я просто передал адрес комиссионки, а также имя и фамилию племянника.

– Почему не с руки? Ты же честный советский труженик. М-м-м... «Денег я накопил – мешок золота купил». Как тебе?

– Теряюсь я в этом проклятом городе. Улица на улице, где что – не поймешь. Люди непонятные. Бога забыли! Тьфу, нехристи!

– Адрес и фамилия продавца!

Он сказал.

– Ручка и бумага есть?

Нашелся чистый лист и карандаш. Четкими, почти печатными буквами я вкратце изложил на бумаге все то, что мне рассказал Архипов. Практически он мало что знал. Дописал адрес второго агента, квартирующего у бабушки Тимофея. Отложив листок, встал из-за стола, подошел к Архипову. Достал нож.

– Ты чего, паря?! Я тебе все как на духу рассказал! Не бери грех на...

Я проехал несколько остановок, пока не увидел на углу деревянную будку телефона. Спрыгнул. Набрал номер. Сонный голос дежурного произнес:

– Милиция. Дежурный...

Не дав договорить, перебил его:

– Дом двенадцать по Домогаровскому переулку! Там человека хотят убить! Срочно езжайте! Дом двенадцать! Домогаровский переулок!

Вернулся в общежитие уже за полночь. Дежурный вахтер, тетя Клава, перед тем как меня выпустить, целую лекцию прочла о шалавах. Дескать, пока еще молодой, сначала жизнь свою правильно выстрой, специальностью обзаведись, а вот когда выучишься, человеком станешь, тогда и по девкам можно шастать. Как можно вежливее поблагодарил ее за наставления и отправился в свою комнату. Ребята уже спали. В темноте осторожно подобрался к своей кровати и вдруг увидел, что какая-то наглая свинья на ней спит! Резко схватил за плечо и развернул лицом к себе.

«Так это Костик! Чего он тут? А запашок... Перегар на гектар!»

Присел на край кровати, потряс за плечо. Тот чего-то буркнул, не открывая глаз, и опять повернулся на бок. Выхода не было, и я лег рядом. Как лег, так и уснул. Разбудил меня Сашка Воровский.

– Идешь на лекции?

Я помотал головой, просыпаясь. Тот стоял у моей кровати уже одетый. Смотрел с усмешкой.

– Что уже? – тупо спросил я.

– Уже. Так идешь?

– Позже.

– Как знаешь.

Когда ребята ушли, я растолкал Костю.

– Вставай, пьянчуга!

Тот приоткрыл один глаз и какое-то время смотрел на меня. Потом подскочил на кровати и оглянулся по сторонам. Я с интересом наблюдал за ним.

– Это что? Я в общаге?

– Ты с чего так нализался? С радости или с горя?

– Ох! Голова как болит.

– Пить надо меньше!

– Тебя бы из дому выгнали, ты бы еще не так запил!

– Не понял. Тебя из дому выгнали?

– Не тебя же, – буркнул тезка, морщась и потирая виски. – Сколько времени?

– Время в институте на лекциях сидеть.

– Сам чего там не сидишь?

– Ну ты и нахал. Сначала узурпировал мою кровать, а сейчас на лекции гонишь!

– Извини. Просто поздно было, и я не знал, куда ехать.

– У тебя что, подруг мало?

– Так мне посоветоваться надо было! Черт! Как в горле пересохло! У тебя попить ничего нет?

– Водка.

Костю передернуло.

– Ну и шутки у тебя. И так тошно, а...

Я достал задвинутую под кровать сумку и вытащил оттуда буханку хлеба, три банки тушенки, сало, завернутое в тряпицу, и бутылку водки. Все эти продукты я реквизирувал у немецкого шпиона, полагая, что мертвецу они не понадобятся.

– Верю. Не шутишь, – скривился Костя. – А чай есть?

– Все есть. И даже какао с коньяком, – я на секунду задумался. – Черт с тобой! Заодно и сам поем. Одевайся, умывайся и пойдем.

Пока тезка приводил себя в порядок, я думал, что делать с оружием. Расставаться с ним не хотелось, словно ребенку с любимой игрушкой.

«Возьму с собой».

К удивлению Кости, я повел его не в студенческую столовую, а в кафе. Тот сначала залпом выпил два стакана яблочного сока и только потом принялся есть омлет, запивая горячим чаем. Свою порцию я съел быстро и теперь смотрел, как тот нехотя доедал омлет.

– Рассказывай, что ты там натворил.

Оказалось, что вчера вечером его отец пришел злой и совершенно неожиданно приревновал сына к своей молодой жене. Оленька и Костик клялись и божились, что ничего между ними не было и быть не может. Папа Костики выслушал их, потом заперся в своем кабинете и, как истинный интеллигент, начал пить горькую. Оленька все это время плакала навзрыд под его дверями, а Костик сидел в своей комнате тихо-тихо, изображая мышь под веником. Ближе к ночи папа вывалился из кабинета, затем пришел в комнату сына и патетически заявил, что змея, которую он согрел на своей груди, больше не может жить в его доме.

– Так и сказал? Змея?

– Да. Так и сказал. А что?

– Ты же он, змей...

– Змей! Змея! Какая разница! Главное, что он выставил меня за дверь!

Правда, сын ушел не просто так, а сумел прихватить с собой бутылку вина, выдержанного марочного портвейна. Половину бутылки выпил на улице, а с остатком приехал в общежитие и стал меня ждать, а так как ребята от вина отказались, он и прикончил бутылку в одиночку.

– И что дальше будет? – поинтересовался я.

– Может, он так спьяна зверствовал, – предположил Костик.

– Считаешь, передумает?

– Не знаю, – помрачнел тезка.

– А причина есть?

– Поверь! Мне-то тебе зачем врать! Не было у нас с ней ничего! Не было!

– Чего ты кричишь? Не было так не было. В общем так. Тебе надо выяснить свои отношения с отцом сегодня. Сегодня! Койка одна, и я не собираюсь ее с кем-либо делить. Встретимся часов... В четыре. В общаге. Позже не получится. У меня сегодня тренировка. Деньги есть?

– Ну...

– Держи, – я отсчитал ему несколько бумажек. – Здесь двадцать рублей.

– Спасибо. Не знаю, как тебя...

– Обойдусь. В институт идешь?

Он покачал головой:

– Настроения нет. Обдумать все это надо.

– Тогда в четыре.

Комната была почти пустая, не считая Костики, сидевшего на моей кровати с гитарой в руках. На грифе инструмента был повязан шикарный красный бант. Он что-то негромко напевал, аккомпанируя себе. Причем, судя по его физиономии, похоже, не грустил. Увидев меня, выдал замысловатый аккорд и запел во весь голос:

В вечерних ресторанах,
В парижских балаганах,
В дешевом электрическом раю
Всю ночь ломаю руки
От ярости и муки
И людям что-то жалобно пою!

– Это что за бред?

– Сам ты бред. Это Вертинский. «Желтый ангел».

– А гитару где взял?

– Девочки дали.

Я сел на соседнюю кровать. Открыл тумбочку.

– Есть будешь?

– У девчонок перекусил.

– Ну-ну.

Я достал тушенку и хлеб. Вскрыл банку. Намазал тушеное мясо на ломоть хлеба. Не успел я это сделать, как Костик схватил мой бутерброд и откусил большой кусок.

– Это как понимать?

– Вкусно пахнет.

– Вот бы и нюхал, а чего в рот тянешь.

Сделал второй бутерброд. Откусил один раз. Второй раз. Прожевал и спросил:

– Чего молчишь? Рассказывай.

– Это все случилось из-за этой дуры. Оказывается, Оля вчера приходила к отцу в институт за деньгами. Присмотрела что-то в магазине, хотела купить, а тот ей отказал, в ответ она решила сцену ему устроить. Дескать, сидит она целыми днями одна-одинешенька и тоскует, только с Костиком и может тоску развеять. Она хотела сказать, что ей одиноко и скучно, в гости и театры не ходим, а папаша понял по-своему. Я ему поклялся, что между нами ничего не было, он мне вроде поверил...

– Слушай, а чего ты его папашей зовешь?

– Ты знаешь, сколько он баб к себе перетаскал, пока мы вместе с ним жили? И после этого я его уважать должен?!

– Понял. Рассказывай дальше.

– В общем, он предлагает мне переехать в двухкомнатную квартиру одного его коллеги по работе. Тот женился и переехал к супруге, а квартиру сдает. Я так понимаю, до этого мой папаша использовал ее для своих любовных утех. Предлагаю поселиться там вдвоем. Ты как?

Предложение меня больше чем устраивало. Еще неделю тому назад я бы не подумал об этом варианте, но теперь у меня были деньги.

– Сколько платить надо будет?

Лицо Костики принял задумчивое выражение.

– Папаша сказал, что платить будет только половину. То есть за меня. Поэтому мне надо найти интеллигентного мальчика, который мог бы оплачивать вторую половину суммы.

– Почему ты решил, что у меня есть деньги?

– Ничего я не решил. Просто подумал и предложил тебе первому.

– Потому что я интеллигентный мальчик? – усмехнулся я.

Костя засмеялся.

– И это тоже. Так как?

– Согласен.

Спустя две недели. Где-то на Лубянке.

Кабинет комиссара государственной безопасности третьего ранга

– Что ты мне принес, майор? – Хозяин кабинета ожег подчиненного злым взглядом. – Решил красиво расписать о своей выполненной работе?! А может, уже дырку в кителе для ордена проколол?!

Майор никак не ожидал гневной вспышки от начальства. Довольное выражение лица мгновенно увяло, в глазах притаился страх. Неужели узнал?!

– Дугин, ты где был три месяца тому назад?! Я тебя спрашиваю! Где был, когда они начали работать! Тут под боком у тебя окопались! Ты думал, я не узнаю! Праздничную рапортичку он мне написал! Раскрыта и арестована шпионская сеть! – Хозяин кабинета перевел взгляд на лежавшие перед ним бумаги. – Как ты тут пишешь?.. Ага! «Благодаря тщательно скоординированной и проведенной операции под кодовым названием „Ответный удар” нам удалось выявить и пресечь подрывную деятельность шпионской группы в составе шести немецких агентов!» Захвачено то-то и то-то! Только где тут у тебя написано, что они уже три месяца вели свою подрывную деятельность?! Почему об этом ты забыл упомянуть! Забыл?! Отвечай!

– Виноват, товарищ комиссар государственной безопасности третьего ранга! – вытянулся в струнку майор.

– Виноват! Тебе, наверное, майор, надоело в Москве служить! Так выбирай! Урал или Средняя Азия?! Там постоянно работников не хватает! Будешь радовать своими рапортами местное начальство! Что молчишь?! Язык проглотил?!

– Виноват...

– Знаю, что виноват! Тебе просто повезло, что я уже начальству доложил и что операцию вы провели чисто, никого не упустили! – Комиссар сбавил тон. – М-м-м... Как там с убийством Архипова? Ты обещал разобраться с этим еще три дня назад!

– Не Архипов он, а Иван Сенин. Бывший кулак. Получил пять лет. После отсидки исчез и вот выплыл уже в Москве с поддельными документами. Только вчера получили на него данные. Теперь об убийстве. Взятые нами агенты утверждают, что к его смерти отношения не имеют. Заварзин и Клямов подтверждают, что привозили к нему в тот вечер груз, но при этом в один голос говорят, что почти сразу уехали. Исходя из показаний арестованных агентов, ни у одного из них не было никаких разногласий с убитым. Да они с ним особо и не общались, считая темным, забитым крестьянином. Таким образом, у нас осталась только одна версия. Убийцей является тот мужчина, который звонил дежурному. Вот только его никто не видел.

– Прямо невидимка какой-то! Кто он, майор, как ты думаешь?

– Не знаю, что и думать, товарищ комиссар. С одной стороны, он выдал нам шпионскую сеть, оставив письмо, содержащее сведения, полученные им после допроса Сенина. С другой стороны, найдены следы пыток на теле убитого, и кроме того, сам факт убийства... Исходя из этого, можно сказать, что это хладнокровный, опытный, не боящийся крови человек, при этом обладающий специальными навыками. К нам, в госбезопасность, не обратился. Бойтся... или не доверяет. Склоняюсь к последнему варианту. Мне лично кажется, что убийца, ранее осужденный как «враг народа», вышел на свободу и случайно наткнулся на немецких агентов. Если это так, то с его подготовкой вся эта история легко объясняется. Да и то, что он взял, говорит о его опытности. Ничего лишнего, только деньги и часть оружия.

– Что именно?

– Из чемоданчика – браунинг с глушителем и три пачки патронов. Из подвала дома Сенина – пистолет ТТ. Три пачки патронов. Два финских ножа.

– Хм. Из бывших, говоришь, а теперь еще и с оружием...

Глава 4

Отец Костика, Павел Терентьевич Сафронов, которого мне удалось увидеть впервые в тот день, когда тезка пригласил меня помочь с перевозкой вещей на новую квартиру, представлял собой тип импозантного мужчины с приятными чертами лица и хорошей фигурой. Когда мы познакомились, он имел такой барственно-валяжный вид, что я ему с ходу дал кличку «Павлин ряженный». Профессор детально расспросил меня о моих родителях, а когда узнал, что мой отец заведующий отделом народного образования, а мать – директор школы, он важно покивал головой и с ноткой удивления в голосе похвалил тезку: «А ты, сын, умеешь выбирать друзей», – а затем отбыл в свой кабинет.

Спустя пару недель совместного проживания с Костиком я решил, что пословица «яблоко от яблони не далеко падает» верна на все сто процентов. Девушки вокруг него так и вились, как пчелки над пахучим цветком. Правда, далеко не всегда доходило до постели, да и надо отдать тезке должное, он не ставил целью уложить каждую из своих подруг в кровать. Меня его любовные приключения волновали мало, даже можно больше сказать: его легкий и немного шумный образ жизни устраивал меня на сто десять процентов. Мой хороший приятель всегда жил одним днем и умел радоваться жизни, как никто другой. Ему не хватало храбрости, еще он был излишне импульсивен, но это были его главные и единственные недостатки, зато достоинств у него было море. Не жадный, готовый поделиться последним, с хорошим чувством юмора и отлично подвешенным языком, этот большой любитель женского пола к тому же недурно рисовал, имел неплохой голос и отлично играл на гитаре. Было еще одно немаловажное обстоятельство. Он сильно напоминал моего хорошего приятеля, с которым мы впервые познакомились в учебном подразделении, потом неожиданно для нас обоих оказались не только в составе десантно-штурмового батальона, но и даже в одном взводе. Такой же, как Костик, веселый, живой, бойкий парень, он за словом в карман не лез. Отличный был парень, вот только разорвавшейся мне было все равно, какой он человек.

В монахи я не записывался, но бессистемные связи меня не устраивали, сказывалась моя взрослая натура, и я на данном этапе своей жизни решил обзавестись любовницей. Олечка, супруга профессора, мне для этого вполне подходила. У нее было удивительное свойство (впоследствии мне не раз пришлось в этом убедиться): в какой бы компании она ни находилась, почти сразу становилась своей. Умела поддержать разговор, засмеяться в нужном месте, пошутить, а если надо – потупив глазки, мило покраснеть. Но это была только внешняя сторона, а на самом деле ей нельзя было отказать как в уме, так и в практичности. Супруга красного профессора любила посещать магазины, рестораны, получать дорогие подарки и ходить в гости.

Встретиться с ней наедине не составило особых проблем. Когда я пригласил ее в ресторан, она только сделала удивленные глаза, а на самом деле уже давно ловила мои влюбленные взгляды. Немного замявшись для приличия, она согласилась чуть-чуть посидеть в ресторане, потому что ей немного скучно. Не знаю, что она ожидала от студента, но когда я предложил ей выбрать в меню то, что она желает, у нее невольно округлились глаза.

Украдкой заглядываю в глубокое декольте. Взгляд пробегается по рельефным прелестям, едва прикрытым тонкой преградой платья. Олечка не прекращает улыбаться, и мое сердце колотится в два раза быстрее. От ее красоты звенит в ушах, звучит божественная мелодия. К мелодии добавляются удары моего сердца. Я стараюсь изо всех сил, чтобы выглядеть в нее влюбленным, то говорю ей комплименты, то упираюсь взглядом в скатерть и неуверенно ёрзаю на стуле, как бы в смущении.

– Какой ты застенчивый, Костя, – легким движением она прикасается к рукаву моего пиджака. – Иметь такого приятеля-бабника и не научиться обращаться с девушками...

– Девушки – это одно, а ты – та единственная... – И дальше из меня потоком полились цветастые комплименты.

Вечер в целом удался, что легко можно было заметить по блеску в глазах Олечки и по легкой улыбке на ее губах.

– Может, ко мне? – говорю я неуверенным голосом, когда мы выходим из ресторана.

Она смотрит на меня долгим, томным взглядом, решая, что со мной делать. Она любит такие минуты, полные безраздельной власти над мужчинами. Какой интересный мужской образец, думает она, вот только как бы он потом дров не наломал. Влюбится. Будет потом за мной, очертя голову, бегать. В любви признаваться, цветы дарить. Чего доброго еще муж узнает. Сомнения есть, но почему бы с ним один вечер не провести. К тому же непонятен я ей. У него есть деньги, своеобразное обаяние, немного детской наивности. Он словно мальчик и мужчина в одном лице, а женское любопытство – страшная сила. Именно на него я и делал упор.

– И что мы у тебя делать будем?

– В программе шампанское, вино и конфеты, – говорю я срывающимся от напряжения голосом. – И еще один маленький сюрприз.

– Сюрприз? Почему маленький? Хочу большой сюрприз! – говорит она голосом капризной девочки, но при этом в ее глазах все больше разгорается интерес.

Делаю вид, что смущен и говорю:

– Как пожелаете, моя королева.

Ей нравится, как я говорю. Это видно по довольной улыбке, скользящей по ее губам.

– А где этот шалун Костик?

– Уехал на дачу к своей любимой девушке.

Она смеется:

– К которой по счету?

Смеюсь вместе с ней и заглядываю ей в глаза. Ты согласна? Красавица видит, с каким я нетерпением жду, что она скажет, и специально тянет с ответом. Наслаждается. Из всех сил изображаю преданно-влюбленный взгляд, а сам думаю: «Чего резину тянешь? Ведь согласна!»

– Хочу сюрприз, – наконец говорит она. – Поехали.

Свидание с восторженным и влюбленным студентом (она так думала) как-то сразу пошло не так, и вместо долгого галантного ухаживания Олечка как-то неожиданно для себя быстро оказалась под ним с широко раздвинутыми ногами. Если до этого она считала себя достаточно опытной женщиной в любовных утехах, то этот мальчик, неизвестно, как и когда, сумел достичь таких вершин в интимных ласках, о которых она до сих пор и не подозревала.

– Не ожидала от тебя такого, мальчик. Нет, ты не мальчик, ты самый настоящий мужчина! Мой любимый мужчина! Твоя мужская сила...

– Это и был мой маленький сюрприз, солнышко.

– Сюрприз? Ах, да! Ты говорил, а я уже забыла. Знаешь, не такой уж он и маленький твой сюрприз, – и она провела рукой по простыне в том месте, где та прикрывала мое мужское достоинство. – Еще, мне нравится, как ты меня называешь. Зови меня так всегда. Хорошо?

– Хорошо, солнышко.

У меня было намерение продолжить наши любовные игры, но Олечка оказалась не только страстной и любвеобильной, но и практичной девушкой. Получая удовольствие, она при этом не теряла головы.

– Милый мой мальчик, мне было с тобой так хорошо, так хорошо...

– Только мне уже пора бежать к мужу под крылышко, – продолжил я за нее.

– Надеюсь, ты не обижаешься на меня, Костя. Ты умный мальчик и должен понимать, что в сложившейся ситуации...

– Олечка, не бери лишнего в свою красивую головку. Меня вполне все устраивает.

После моих слов Оленька какое-то время смотрела на меня с удивлением, потом уже оценивающе, и это было совсем не похоже на томный и ласкающий взгляд в постели.

Потом она наконец сказала:

– Ты не так прост, мальчик, каким стараешься казаться.

«Расслабился, идиот. Ну что тебе стоило поиграть в любовь!»

– Оленька, солнышко мое!..

– Не переигрывай, Костя. И еще скажу твоими же словами: меня тоже вполне все устраивает.

Мне только и оставалось, что пожать плечами на подобное заявление.

Загрузка у меня была полная. Институт, библиотека, тренировки. Своей физической подготовке я отдавал львиную долю времени. Несмотря на плохую погоду, каждое утро постоянно наматывал круги по небольшому парку, который обнаружил недалеко от нового места жительства, а когда выдавалось свободное время и обязательно каждое воскресенье уезжал в Сокольники и там по несколько часов в лесу тренировался с ножом. Я точно знал то, о чем только подозревали 99 процентов жителей страны Советов – грядет война. Страшная, тяжелая, с мучительными и большими потерями война. Мне нужно было быть готовым к ней. При этом я никак не мог понять, почему о ней не говорят прямо? Почему замалчивают правду о грядущей войне, которая как тесто, когда поднимается, лезет изо всех щелей? Сталин и его приближенные в моем понимании сейчас напоминали композицию из трех обезьян, закрывающих лапами глаза, уши и рот, а надпись под ней лаконично и объективно комментировала их позицию: «Если я не вижу зла, не слышу о зле и ничего не говорю о нем, то я защищен от него».

День шел за днем, выстраиваясь в недели и месяцы. Жил я сравнительно неплохо. Слегка обновил свой гардероб, а на вопросы любопытных студентов отвечал, что это родители мне денег подкинули. Теперь я нередко навещал Мишку и его приятеля Тимофея с подарками, балуя ребят бутербродами с колбасой, свежими булочками и конфетами. Иногда водил их в кино, угощал мороженым и ситро. Так продолжалось до конца октября, когда я пришел как обычно, а вот Мишки в детдоме не оказалось. Его забрала неожиданно приехавшая мать. Отдал все подарки, что принес, Тимофею, потом подарил ему на прощание червонец и ушел.

Деньги имеют привычку рано или поздно заканчиваться, поэтому я стал готовиться к операции, чтобы пополнить карман. Еще только оказавшись в Москве и столкнувшись с денежной проблемой, я сразу стал думать, как ее разрешить. Из всех вариантов самым многообещающим стали мои воспоминания об уголовных делах, которые я видел, когда работал в архиве МВД. Изредка, приводя в порядок старые уголовные дела, я пробегал их глазами, а иногда те, которые казались мне наиболее интересными, даже прочитывал. Правда, опять выбирал наиболее интересные моменты. Я потратил не менее двух недель на описание этих отрывочных данных. В конце концов, я смог выделить только три эпизода из множества уголовных дел, которые произошли в Москве с 1940-го по 1947 год. Нет, запомнил я намного больше, но в одних случаях не хватало точной даты, в других – адреса. Все эти мелочи просто не уложились в памяти, хотя дела (убийства, хищения, подлоги и налеты) я помнил.

Самый первый по времени эпизод из трех восстановленных воспоминаний должен был состояться в ночь на четвертое декабря. Это был второй или третий «разгон» банды, состоявшей из четырех человек. (Разгон – вид мошенничества, когда преступники, одетые в милицескую форму, изымают ценности.) Сколько раз в общей сложности налетчики ограбили обывателей, мне было неизвестно, но в деле вроде говорилось о пяти эпизодах. В памяти осталась еще одна деталь. Когда их брали, в перестрелке был тяжело ранен один из оперативников, который позже скончался в больнице. Даты и адреса я, естественно, не помнил, кроме одной, оставшейся в памяти по одной простой причине. День и месяц рождения моей жены странным образом совпали с датой ограбления, к тому же сама дата совпала с номером дома, а название улицы отложилось чисто автоматически. Номер квартиры не запомнил, но это, по сути дела,

было неважно, так как мне их надо было только дожидаться. Подъедет машина, выйдут трое в милицейской форме. Побудут час-полтора в доме, затем появятся с награбленными драгоценностями и деньгами, а тут и мой выход. Мне было неизвестно, что налетчики возьмут, но при этом точно знал, что те, кроме денег и драгоценностей, ничего другого не брали. Вот только драгоценности мне были не нужны, так как любая попытка продать их давала ниточку-след ко мне, и кто за эту ниточку потянет, мне было неизвестно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.